

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 10

Н.И. Егоров

**ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ТАТАР И ЧУВАШЕЙ**

От конфессионального к этнонациональному

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2012 год

Чебоксары 2012

УДК 39
ББК 63.5
Е 30

Научный редактор Г.А. Николаев

Егоров Н.И.

Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному / науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2012. – 52 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 10).

В работе дан анализ исторической динамики различных концепций идентичности и самоидентификации двух тюркоязычных народов Среднего Поволжья – казанских татар и чувашей, имевших генетические связи с волжскими булгарами.

© Н.И. Егоров, 2012
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие социально-экономические преобразования, усвоение достижений мировой цивилизации в её западном, евро-американском варианте ведут порой к незаметной, но коренной перестройке национального самосознания, менталитета, психологии, возникновению национальных концепций этнической истории. Формирование представлений о национальном этническом прошлом нередко идёт сложным, запутанным путём. Новые концепции этнической истории часто формируются на переплетении национального исторического сознания с общероссийским и мировым. На современном этапе развития социально-гуманитарных дисциплин резко актуализировалась проблема природы этнической идентичности. Традиционный взгляд состоит в том, что этническая идентичность объективно коренится в истории этнической общности и родстве её членов.

В отличие от других групповых идентичностей, этническая идентичность направлена на прошлое и базируется на истории и происхождении семьи, рода, племени и этноса (нации). Идентичность имеет сложную, многоуровневую структуру. В зависимости от ситуации, окружения, конкретных чаяний и потребностей люди актуализируют тот или иной таксономический уровень собственной идентичности. По мере накопления репрезентативного материала и развития теоретических исследований ученые столкнулись с необходимостью переосмыслить сложившиеся представления об идентичности: она стала мыслиться как категория сознательного выбора личности. В этой связи, видимо, следует разделять индивидуальную и групповую идентичности. В отличие от индивидуальной идентичности, групповая идентичность является категорией социальной, исторической и потому более устойчивой, но не статичной. Если понимать под идентичностью чувство принадлежности к определённой группе, то приходится признать множественность идентичностей: социальную (принадлежность к определённым социальным слоям общества – студент, фермер), профессиональную (принадлежность к определённым профессиям и творческим объединениям – механизатор, скотник, строитель, писатель, художник), конфессиональную (приверженность к определённым религиозно-конфессиональным общинам – язычник, христианин, православный, мусульманин, суннит), этническую (принадлежность к определённой этнической группе – чуваш, татарин, кряшен, мишар,

мальень, вирьял), административно-территориальную (саратовский чуваш, «башкирский» чуваш, «пермский татарин», казанец, чебоксарец, нижегородец, симбирянин) и т.д. Видимо, назрела пора выделить в самостоятельный разряд *политическую* (или *национальную*, гражданскую) идентичность (*россиянин*) и собственно *этническую* (*русский*). Терминологическое разведение понятий «русский» и «россиянин» явно свидетельствует о правомерности такого разграничения.

1. К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ОТ РОДОПЛЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОТ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ К ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ

На рубеже I–II тысячелетий н.э. ведущая роль в экономике, следовательно, и в системе производственных отношений в Восточной Европе перешла к феодальному способу производства, а это в свою очередь обусловило становление новой политической структуры общества. Исподволь складывающиеся элементы государственности привели к возникновению Великой Булгарии хана Кубрата, а затем Волжской Булгарии, Хазарского каганата, Киевской Руси. Новые социальные отношения вызвали потребность в новой идеологии – существенного компонента развивающегося института государственности. Надобность в идеологическом обосновании формирующихся феодальных отношений остро ощущалась в сложившихся в Восточной Европе раннегосударственных образованиях. Рано или поздно, так или иначе, но религиозные воззрения, адекватные структурирующимся социально-политическим институтам, сформировались бы естественным путем, но на это потребовался бы весьма значительный хронологический период. Однако своенравная муза истории Клии такой возможности вновь сформировавшимся в Восточной Европе государственным образованиям не предоставила. Вместе с тем витальность сложившихся в регионе общественно-политических институтов во многом зависела от оперативности процессов модернизации социальной психологии масс и своевременного структурирования новой коллективной ментальности на основе соответствующей религиозной идеологии.

В Восточной Европе на рубеже I–II тысячелетий н.э. возникла своеобразная историческая коллизия: потребность сформировавшихся

ся раннефеодальных государств в идеологическом обеспечении vitalности новых социально-политических институтов не могла быть оперативно удовлетворена из-за ограниченности возможностей традиционных анимистических верований к дальнейшей эволюции и быстрой модернизации. Но история, не раз выходящая из подобного рода противоречий, сама позаботилась о том, чтобы они все же разрешались. В процессе первоначального зарождения феодальных общественно-политических отношений на Ближнем Востоке и в некоторых других регионах древние племенные анимистические религии эволюционировали и превращались в наднациональные. В ходе конкурентной борьбы наднациональные религии поделили между собой большую часть тогдашней цивилизованной ойкумены. Наиболее успешно экспансия осуществлялась тремя из них – иудейством, христианством и исламом. К рубежу I–II тысячелетий они вплотную подошли к границам Восточной Европы: иудаизм – с юга, ислам – с юго-востока и христианство – с юго-запада. Все раннефеодальные государственные образования Восточной Европы, будь то Великая Булгария хана Кубрата, Хазарский каганат, Волжская Булгария или Киевская Русь, неизбежно сталкивались с проблемой «выбора веры».

«Выбор веры» может показаться произвольным лишь на первый взгляд. В действительности он был жестко обусловлен и диктовался, с одной стороны, локализацией каждой социально-политической общности в определенном геополитическом пространстве, а с другой – исторически сложившимися между теми и другими странами торгово-экономическими, культурными и политическими связями. Феодальная верхушка Волжской Булгарии из всех мировых религий выбрала ислам, что, по сути, было предопределено складывающейся политической конъюнктурой. Особую роль в выборе веры сыграли традиционно активные торгово-экономические и культурные контакты Поволжья со странами Средней Азии – Хорезмом и державой Саманидов. Динамичное развитие болгарского общества на рубеже IX–X вв. неизбежно привело к возникновению государственности и принятию мусульманства царем Алмушем и частью знати.

В средневековых государствах практически повсеместно традиционный социальный фактор индивидуальной и коллективной идентификации уходит на второй план, а доминирующим критерием социальной идентичности становится конфессиональный. В высшей степени актуальная для Средневековья коллективная идентификация

на основе конфессиональной принадлежности окончательно сформировалась, пожалуй, уже в домонгольское время, когда население Волжской Булгарии по религиозному признаку подразделялось на две большие группы – анимистов (язычников) и мусульман. Конфессиональное расслоение населения Поволжья на язычников и мусульман еще более углубилось в золотоордынскую эпоху и достигло своего апогея в период Казанского ханства. Конфессиональная принадлежность играла определенную роль в идентификации нерусских подданных и в Московском государстве. Эта традиция восходит ко временам Киевской Руси – уже тогда население подразделялось на мусульман («агаряне», «басурмане», «магометане»), христиан и язычников. В домонгольскую эпоху раннесредневековые этнонимы и генонимы постепенно сходят со страниц нарративных источников (русские летописи, например, совершенно не знают болгарского генонима *сугар*), с постзолотоордынского времени конфессионимы *бесермен*, *бусурман(ин)* «мусульманин» начинают конкурировать с этнонимами *булгар* и *татарин*, а с начала XVI в. в русских актовых и других источниках все активнее начинает выступать этноним *чуваши* конфессионимного происхождения (с первоначальным значением «жертвоприноситель», то есть «язычник»).

Этнолингвокультурные категории сосуществовали наряду с политическими, социальными, локально-географическими и прочими во все времена, но они не имели первостепенного значения при социальной идентификации населения Среднего Поволжья вплоть до второй половины XIX в. При внимательном изучении исторических этнонимов нетрудно заметить, что содержание даже сохранившихся до наших дней этнических наименований в Средневековье почти никогда не соответствовало их современному содержанию. В исторических источниках XVI–XVIII вв. такие названия этносоциальных объединений, как, скажем, «болгары», «чуваши», «черемиса», «бесермяне», «татары», переплетались друг с другом и с понятиями конфессионального, социального, регионального и прочего характера. Это значит, что методологически некорректно прямое отождествление современных этнонимов и объединяемых под ними этнических и субэтнических групп с этносоциальными названиями и сообществами источников XIII–XIX вв. и что нельзя проецировать современные нации – татар, чувашей, мари, мордву и др. – в средневековое прошлое. Процессы национального строительства в Среднем Поволжье начались лишь в конце XIX – первой четверти XX в. Национальные

идентичности в современном понимании возникают уже в советский период. Наша задача сводится к изучению модернизации идентичностей двух наиболее тесно взаимосвязанных и взаимодействовавших в регионе в течение длительного времени тюркоязычных народов – татар и чувашей.

2. ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ У КАЗАНСКИХ ТАТАР

Идентичность – сложный и противоречивый феномен. Индивидуальная и коллективная идентификация обычно проводится по одному или нескольким ведущим критериям, основными из которых являются этнолингвокультурные (прежде всего язык), религиозные верования, политическая и социальная (сословная) принадлежность. В домодерных политах этнолингвокультурные критерии не играли ведущей роли, и, в отличие от современности, идентификация населения региона преимущественно происходила по конфессиональному признаку. Так, сто лет назад казанский татарин чувствовал себя в первую очередь мусульманином (*мөселман*), а затем уже жителем определенного города и местности (*казанлы*). Мысль о принадлежности к татарскому и тем более к абстрактному «кыпчакскому» этносу не имела для него никакого значения. Однако в XIX в., прежде всего в кругах просвещённой мусульманской интеллигенции, начинает формироваться новая идентичность «современной мусульманско-тюркской народности Средневожского региона», которая «обычно рассматривается в виде сложной и порой противоречивой цепи самосознания: волжские болгары, мусульмане, татары и казанские татары. Самым близким к себе звеном в этой цепи казанские татары считают волжских болгар, средневековую тюркскую народность»¹.

Родоплеменные институты у чувашей и казанских татар были изжиты рано и, видимо, уже в XV в. не представляли актуальности. В Российской империи не получила заметного распространения и концепция территориальной нации. Следовательно, начиная с развитого Средневековья актуализируется идентификация по религиозно-конфессиональному признаку: языческая (*чуваши*), мусульманская (*бесермен*), христианская (*кряиен, крестьянин*) и проч.

В формировании у поволжских татар просвещенным мусульманским духовенством этнической идентичности специалисты выделяют несколько этапов: XVIII – середина XIX в. – период формиро-

вания мусульманской идентичности; вторая половина XIX – первые десятилетия XX в. – период становления татарского национального самосознания и формирования этнонациональной идентичности². Со времени образования Татарской автономии, видимо, уже можно говорить о начале становления этнополитической идентичности.

Проблема идентичности поволжских татар во второй половине II тысячелетия н.э. «из-за крайне слабой изученности остаётся во многом мифологизированной»³. В частности, это относится к вопросу о принятии поволжскими мусульманами аллоэтнонима *татары*, который в ряде работ казанских коллег, в особенности сторонников булгаро-татарской теории этногенеза, вполне обоснованно считается принятым окончательно лишь в начале XX в.⁴ Сложная и противоречивая цепь современной самоидентификации татарской нации (волжские булгары – мусульмане – татары) «была канонизирована в качестве национальной исторической традиции или национального мифа казанских татар в XIX в. Ш. Марджани (1818–1889), отцом национальной истории казанских татар»⁵.

2.1. Pro и contra булгарской идентичности казанских татар

Первое звено в цепи идентичностей казанских татар – болгарский этнос домонгольской Волжской Булгарии – несомненно, имеет свои генетические истоки в евразийском этнолингвокультурном горизонте огурской эпохи (V в. до н.э. – XII в. н.э.). Следовательно, болгарский компонент не может считаться этнической основой татар, истоки которых находятся в этнолингвокультурном горизонте другой эпохи – тюркской (с V в. н.э.). Поэтому можно с достаточной уверенностью говорить лишь об участии болгарского субстрата в формировании казанско-татарского этноса.

До начала эпохи Просвещения никакой болгарской идентичности не было ни у татар, ни у чувашей. Этноним или, вернее, этнополитоним *булгар* начинает занимать в истории народов Поволжья особое место во второй половине или даже в конце XIX в. Булгарская идентичность, несомненно, имеет книжно-литературное происхождение, о чем можно догадаться уже по фонетическому облику этнополитонима *булгар*. Установлено, что уже в языке волжских булгар домонгольской эпохи этнополитоним *bulgar* претерпел некото-

рые фонетические изменения (*bulȳar* > *buljar > *bülär*) и принял фонетический облик *bülär/бюлер*.

Восстанавливаемый для среднебулгарского состояния в фонетической форме *bülär* вариант этнополитонима *bulȳar* хорошо засвидетельствован в памятниках самого разного происхождения. Насколько мне известно, впервые он зафиксирован на страницах венгерских хроник под 970 г. в латинской транскрипции в форме множественного числа *bileres*. В том же источнике земля этих бияров названа *terra Bular*. Сопоставив эти два варианта, можно догадаться, что чуждый для латинского языка переднерядный узкий губной гласный *ü* в одном случае транскрибирован переднеязычным узким, но негубным гласным *i*, а в другом случае – узким губным, но заднерядным гласным *u*. Отсюда видно, что анонимный летописец венгерского короля Белы (или его первоисточник) был явно знаком с булгарским звучанием этнонима *bülär* и подбирал для транскрипции необычного для него звука *ü* соответствующие символы из графического арсенала латинского алфавита. Плано Карпини (середина XIII в.) в своём повествовании трижды упоминает о волжско-камских булгарах и всегда под двойным названием: «Билеры, то есть Великая Булгария»; ср. *Byleri is est Magna Bulgaria*. Показательно, что название народа транскрибировано в форме *biler* ~ *byler*, а название страны – в более архаичной форме *Bulȳaria*. В тексте «Сокровенного сказания монголов» Л. Лигети выявил следующие варианты написания этнонима *бюлер*: *Bolar*, *Bolor*, *Buqar* (= *Bular*)⁶. Показательно, что в другом средневековом монгольском памятнике «Алтан тобчи» булгары также выступают под названием *Bolor*, *Bular*, а в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина этноним *булгар* передан в форме *bwlr* (встречаются варианты *bular*, *bulär*, *bülär*). Эти арабографичные варианты можно читать и в переднерядной огласовке, то есть как *bülär*.

Арабский географ XIV в. Абу-ль-Фида этническое название булгар также приводит в форме *bular* ~ *bolar*, а г. Булгар в статье описывает под названием «*Bular*», то есть *Bülär*. В китайских источниках XIV в. (1330 г.) страна и столица волжских булгар упоминаются под названием *pu-li-a-erh*, то есть *bülär*. Ещё Г.В. Юсупов на эпитафии XIV в. с Булгарского городища выявил надпись *мон бюляр*, а Ф.С. Хакимзянов транскрибирует эту надпись 1329 г. в переднерядной огласовке *Mün Bülär*, то есть «Великий Бюляр», ср. чув. *Män*

Пу́лер. Этноним *bülär*, обычно в составе антропонимов, обнаружен на ряде надгробных памятников волжских булгар XIV в. С.А. Янина на болгарских монетах XIII в. обнаружила надпись «*сикатун Билэр*» (следует читать как *Bülär*), то есть монета, «чеканенная в Бюляре». Этноним *bülär* в разных формах отразился в некоторых западноевропейских картографических источниках XVI в.

Глухие отзвуки этнонима *бюлер*, или, скорее, даже катаякони́ма *Bülär*, сохранились в чувашской (*Пёлер, Пу́лер, Пуляр, Поляр*, ср. *Пу́лерте выртакан ырăсем* «святые, почивающие в Бюляре») и татарской (*Булэр, Бөлэр*, откуда и русское название города Биляра, в летописях *Буляр, Булар, Бюлар*, иногда *Болар*, а татарская форма *Билэр* – обратное заимствование из русского) фольклорных традициях. Выясняется, что и в чувашской, и в татарской традициях скорее всего, сохраняется лишь глухая память о городе Биляре. Как показывают нарративные источники, в Средневековье население Волжской Булгарии называло себя *билерами*, а не *булгарами*. Последняя форма этнополитонима сохранялась только на страницах восточных, преимущественно арабографичных, нарративных источников. Если бы в коллективной памяти тюркоязычных народов Поволжья сохранилась традиционная самоидентификация со средневековых времен, то мы бы имели «бюлерскую» (тат. *булэр, бөлэр*, чув. *пүлер, пёлер*), а не «булгарскую» самоидентификацию.

«Булгарская» этническая идентификация (тат. *болгар*, чув. *пӑлхар*) не может быть традиционной или исконной ни в татарском, ни в чувашском менталитете. Об этом красноречиво свидетельствует сама форма этнонима *болгар/пӑлхар*, отражающая более раннее древнебулгарское звучание IV–VIII вв., зафиксированное в византийских, западноевропейских, арабских и прочих источниках в форме *bulḡar*. Эта форма утвердилась в книжно-литературной традиции и сохранилась как на востоке, так и на западе вплоть до позднего Средневековья. Поскольку самоназвание уже в X в. звучало как *bülär*, широко употребляющиеся в современной историографии формы *болгар, булгар* (тат. *болгар/bülḡar*, чув. *пӑлхар*) следует признать поздними заимствованиями из средневековой письменной традиции: русских летописей, трудов арабских и персидских историков и прочих источников. Так, современное русское *болгары*, скорее всего, через церковнославянскую (болгарскую) традицию в конечном итоге восходит к греко-византийским истокам, татарская форма *болгар*

(чит. *bälhar/bül̆ar*) через старотатарскую книжно-литературную традицию восходит к средневековым арабско-персидским источникам, а чувашская форма *näl̆har* (чит. *päl̆har, pül̆har*), несомненно, появилась под влиянием русской и татарской историографической литературы конца XIX – начала XX вв. и получила известность в народе благодаря работам первых чувашских историков.

Американский историк А.Дж. Франк под давлением фактов совершенно закономерно пришел к убеждению, что болгарская идентичность среди татар Поволжья была насаждена просвещенным духовенством с целью объединения исламской общины региона в середине XVIII в. Для достижения этой цели «улемами» были умело использованы уже существовавшие в общинах исторические традиции, связывающие татар с легендарной памятью о средневековом Булгарском государстве⁷. На основе анализа «Таварих-и Булгарийа» Т. Ялчигулова (1805) А.Дж. Франк пришёл к заключению, что мусульманские идеологи уже в конце XVIII в. начали оказывать воздействие на формирование исторического самосознания предков татар. Труды Х. Муслими, Т. Ялчигулова и других мусульманских просветителей XVIII в., получивших образование в Средней Азии, показывают зарождение в Поволжье новой идеологии, формирующей у «казанцев» мусульманскую идентичность на основе гипотезы болгаро-татарской преемственности.

Сочинение Х. Амирханова «Таварих-е Булгария»⁸ (1883), по оценке американского исследователя А. Франка, представляет собой первую попытку составить «наиболее всесторонний и всеобъемлющий труд по истории Булгара и Казани»⁹, в котором автор по отношению к казанским татарам одним из первых в татарской историографии употребляет этноним *булгары*. Известный татарский писатель и общественный деятель Г. Исхаки (1878–1954) также называет своих соплеменников не татарами, а булгарами¹⁰. В просветительской антиутопии Г. Исхаки «Исчезновение через двести лет» («Ике йөз елдан соң инкыйраз», 1904) повествуется о булгарах, прошедших в X–XIII вв. этап расцвета великой цивилизации, в XIX–XX вв. переживших экономический и духовный спад, а в конце XXI в. исчезнувших как народ. Нетрудно догадаться, что булгарами Г. Исхаки называет своих соплеменников – казанских татар. Идеи о болгарской идентичности казанских татар наиболее радикально проявились в виде ваисовского движения второй половины XIX – первой четверти XX в. Центральное место в идейных построениях ваисовцев занима-

ли ностальгия по исторической Волжской Булгарии, которая преподносилась как утраченная исконная родина казанских татар, и вера в возвращение «золотого века» после восстановления Булгарского государства. Вайсовцы откровенно призывали к великому джихаду, в ходе которого предполагалось насильственное возвращение им г. Булгара¹¹.

Д.М. Исхаков аргументированно доказал, что «булгарский конструкт», присутствующий в идейных построениях «галимов» XVIII в., имел больше политический характер; на самом деле ядром, базой идеологических построений «галимов» являлся ислам¹². К этому следует добавить, что и сам А.Дж. Франк, характеризуя идентичность поволжских мусульман XVIII в., подчеркивает, что основу её составляло «специфическое исламское сознание».

Концепция булгарской идентичности казанских татар в основных чертах была разработана в конце XIX – начале XX в. Х.-Г. Габаши¹³, Г. Ахмаровым¹⁴, Р. Фахрутдиновым¹⁵, а затем получила дальнейшее развитие в работах историков советского периода: Н.Н. Фирсова, М.Г. Худякова, Г.М. Рахима, А.П. Смирнова, Х.Г. Гимади, Н.И. Воробьева, Н.Ф. Калинина и др. После известного постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. и проведения Научной сессии АН СССР 25–26 апреля 1946 г. по вопросу происхождения казанских татар эта концепция, получившая официальную поддержку властей, стала играть первостепенную роль в татарской историографии. Концепция о культурно-эволюционной преемственности булгар и казанских татар разрабатывалась Г.В. Юсуповым, А.Х. Халиковым, Р.Г. Фахрутдиновым, А.Г. Каримуллиным, С.Х. Алишевым, Р.Х. Бариевым, М.З. Закиевым, Ф.Ш. Хузиным, Ф.Т.-А. Валеевым, Г.М. Давлетшиным, Е.П. Казаковым и др. и вплоть до последнего времени муссируется некоторыми казанскими учеными. Как полагают сторонники булгарской теории этногенеза казанских татар, в период Казанского ханства булгарский этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, но сохранил самоназвание *булгары* и булгарскую идентичность вплоть до 1920-х гг., когда татарскими «буржуазными националистами» и советскими партфункционерами был навязан этноним *татары*. Между тем сами татарские исследователи отмечают, что «единственная в стране перепись начала XX в. (перепись 1926 г. – *Н.Е.*), обращённая непосредственно к

этническому самосознанию населения, не зафиксировала в Волго-Уральском ареале каких-либо “булгар”, большая часть волго-уральских татар определила себя как “татары”, остальные назвали другие, хорошо известные среди них исторические этнонимы»¹⁶.

А.Дж. Франк подчеркивает, что болгарская идентичность была «основана на религии» и сформулирована местными улемами исключительно для укоренения в сознании народа ислама через указание на «акт добровольного принятия мусульманства болгарскими предками». Однако по сути своей мусульманство татарских улемов было не болгарское, не золотоордынское и даже не времен Казанского ханства, это было новое мусульманство, привнесённое в Поволжье реформаторами XVIII в., получившими духовное образование в Средней Азии.

2.2. Динамика мусульманской идентичности казанских татар

Второе важное звено в цепи современной идентичности казанских татар – ислам. Из «Рисалла» Ахмеда ибн Фадлана мы знаем, что волжские булгары приняли ислам уже до 922 г. благодаря активным торговым связям со Средней Азией¹⁷. Г.М. Давлетшин и Ф.Ш. Хузин, опираясь на археологические источники, высказали идею, согласно которой булгары впервые познакомились с исламом в Подонье ещё до их переселения на Среднюю Волгу¹⁸. Мне эти суждения кажутся надуманными. Прежде всего, поражает легкомысленный подход многих современных исследователей к такому серьезному феномену, как вера, религия: прошли арабские завоеватели – и на тебе, вся страна «уже в значительной степени мусульманизирована». В реальной жизни так не бывает. Смена веры или принятие иной религии происходит чрезвычайно трудно и затягивается на долгие столетия. Поэтому искать строго установленную дату принятия целым народом какой бы то ни было новой религии, мягко говоря, научно некорректно. Можно говорить только о дате официального признания правительством страны новой религии и санкционирования этого факта каким-нибудь публичным дипломатическим актом. Именно это и произошло в 922 г. в Волжской Булгарии. В этом отношении, безусловно, прав И.Л. Измайлов, который пишет: «С этого времени Булгария как государство, можно сказать, оформилась окончательно на политической карте мира. И в этом смысле приезд посольства

сыграл роль официального дипломатического признания нового исламского государства»¹⁹.

Как бы там ни было, специалисты обратили внимание на то, что «точка зрения, особенно широко представленная в научно-популярной и учебной литературе и связывающая официальное принятие ислама в Волжской Булгарии с приездом посольства из Багдада, не основывается на серьёзных аргументах»²⁰. Е.А. Халикова пришла к заключению, что лишь в XII – начале XIII в. «идеология и обряды ислама глубоко укоренились у основного населения страны, охватив разные социальные слои болгарского общества». Это, по мнению исследователя, доказывается установлением унифицированной, единообразной, «ортодоксальной» погребальной обрядности, соответствующей канонам ислама – «строгое соблюдение кыблы, однообразное положение корпуса и рук погребенных, полное отсутствие сопровождающего инвентаря и т.п.»²¹. Однако сами принципы подбора фундирующего эмпирического материала и выводы о тотальном распространении мусульманства в домонгольской Волжской Булгарии вызывают много вопросов. Бытование языческих святилищ у волжских болгар в XI–XIV вв. отмечено в работах Е.П. Казакова, К.А. Руденко и др. и не только на периферии государства, но и в самом центре Волжской Булгарии, на Ага-Базаре у г. Болгара на Волге²². За последние годы в восточной периферии Волжской Булгарии открыты интересные археологические памятники, свидетельствующие о бытовании языческих традиций в домонгольский период и позднее, а также о начале проникновения ислама на эти земли лишь в конце X в.²³

Казанские историки пытаются объяснить причины бытования язычества в Волжской Булгарии в XI–XIV вв. присутствием в составе болгар иноязычного, прежде всего финно-угорского, населения из соседних территорий. Так, Ф.Ш. Хузин полагает, что именно они, окончательно ещё не обугаризированные, могли оставить эти многочисленные памятники. Археологи давно пишут о значительном финно-угорском субстрате в культуре волжских болгар²⁴; практически каждая сводная работа по истории Волжской Булгарии начинается с голословного утверждения о проникновении болгар «в исконно финно-угорские земли неоднократно волнами на протяжении более двух столетий, начиная с конца VII в.»²⁵. Однако в VIII–XIV вв. между ареалами распространения археологических памятников древних мари, мордвы и удмуртов, с одной стороны, и волжских

булгар, с другой, лежала так называемая буферная зона шириной от 200 до 400 и более километров, покрытая девственными лесами, а на территории центральных, закамских районов Волжской Булгарии собственно финно-угорских памятников нет. О так называемых «угорских» или «древневенгерских» археологических культурах Нижнего Прикамья и Южного Предуралья следует говорить особо.

Миф о широком, почти тотальном распространении мусульманства в среде ранних, домонгольских волжских булгар был придуман отцами-основателями современной татарской идентичности исключительно для утверждения татар в истинной вере, но впоследствии его стали раздувать в качестве неопровержимого аргумента для доказательства гипотезы о булгаро-татарской преемственности. На современном этапе почти в каждом научном, научно-популярном и учебно-методическом издании по истории и этногенезу татар можно встретить утверждение, что мусульманство в Среднем Поволжье продолжается у татар непрерывно с X в. и даже с более ранних времён. При этом, как правило, огульно подчеркивается, что современные чувашки не имеют никаких доказательств того, что когда-либо в своей истории они были мусульманами. Здесь не место для доказательства ошибочности последнего утверждения, а потому ограничусь только напоминанием того факта, что в чувашском языке представлены ранние арабские и персидские заимствования дозолотоордынского периода, среди которых имеются и слова, связанные с мусульманской религиозной терминологией²⁶, а в традиционной этнической религии много мотивов мусульманского происхождения, часть которых (за исключением поздних золотоордынских и татарских интерференций) восходит к домонгольской эпохе²⁷.

Считать традицию татарского мусульманства непрерывной с X в. некорректно, ибо раннебулгарская традиция ислама в Среднем Поволжье прервалась уже во второй четверти XIII в. в ходе неоднократного завоевания и полного разорения Волжской Булгарии монголами. Итогом затянувшегося без малого на два десятилетия упорного противостояния захватчикам стало полное уничтожение правящей элиты и городской аристократии, в среде которых в свое время и получило наибольшее распространение мусульманство. Общеизвестно, что ислам как официальная религия правящей аристократии был принят в Волжской Булгарии в 922 г., но относительно домонгольского времени, если оставаться научно корректным, можно говорить лишь о небольших мусульманских общинах в городе Булгаре

(соб. булг. *Bülär*) и его округе, а также в нескольких крупных городах. Ислам как культурное явление пришёл в Волго-Камье, по большому счёту, только в золотоордынскую эпоху.

Исламизация Золотой Орды, как показывают нарративные источники, произошла в годы правления могущественного хана Узбека, вступившего на престол ещё язычником (годы правления 1312–1342). По мнению специалистов, «в Золотой Орде в религиозно-правовой сфере ситуация своей политизированностью и формально-структурной незавершенностью в какой-то степени была схожей с болгарским периодом... ибо задачей религиозно-политического руководства здесь стало не столько утверждение истинной веры, сколько достижение порядка, мира и благополучия в стране»²⁸. В золотоордынскую эпоху на территории Булгарского улуса появляются уже бесспорно мусульманские памятники – каменные эпитафии с арабографичными текстами, написанными преимущественно на двух языках: на местном болгарском (с ярко выраженными специфически чувашскими фонетическими и морфологическими признаками) и среднекыпчакском (золотоордынском тюрки) языках. Подавляющее большинство сохранившихся до наших дней эпиграфических памятников²⁹ обнаружено в центральных закамских районах Булгарского улуса. Отражившаяся на них титулатура показывает, что практически все эпитафии установлены на могилах усопших, занимавших при жизни достаточно высокое иерархическое положение, а оттопонимические фамилии-тахалусы – *ас-Самарканди*, *аш-Шемахи*, *аль-Кердари*, *аль-Курасани*, *аль-Дженди*, *аш-Ширвани* и др. – свидетельствуют, что под многими эпитафиями покоятся прибывшие издалека представители высшего сословия небулгарского происхождения³⁰. Подавляющая часть местного болгарского населения, скорее всего, и в золотоордынскую эпоху придерживалась традиционных верований. Так, М.А. Усманов, касаясь проблемы исламизации Булгарского (Джучиева) улуса, признает: «Не было полностью изжито влияние старых верований, притом не только в гуще народных масс, но и среди высшей аристократии, в том числе и самих Джучидов»³¹.

Второй, золотоордынский этап мусульманизации Среднего Поволжья также прервался трагически: сначала, в 1391–1395 гг., болгарские земли были опустошены войсками Тамерлана, а затем, к концу XIV в., «черная смерть» (бубонная чума) «полностью трансформировала этническую и лингвистическую природы населения

Поволжья. Поэтому после этого исторического момента затруднительно даже представить себе существование волжских булгар³². О подлинном установлении позиций самого ислама и мусульманского духовенства в Среднем Поволжье можно говорить только в связи с образованием Казанского ханства в середине XV в.

Предки казанских татар были внедрены в лоно ислама, по всей вероятности, еще в золотоордынскую эпоху своей истории. Это довольно хорошо прослеживается из ряда исторических источников XVIII в. Так, в «Наказе служилых мурз разных дорог» Казанского уезда, подготовленном для Екатерининской комиссии, сказано: «Предки наши природные Золотой Орды и старинные казанские...». В «Наказе Свияжского уезда разных сотен и деревень от всех служилых мурз и татар», отправленном той же комиссии, говорится: «...предки наши природные Золотой Орды Актубы...»³³. Опираясь на многочисленные сведения такого рода, Д.М. Исхаков, правда, применительно к сословию служилых татар, пишет, что «их историческое сознание концентрировалось не на “Булгаре”, а на “Золотой Орде” или на “Казани” (Казанском взятии)»³⁴. Отсюда явственно прослеживается преемственность «из Золотые Орды, что ныне именуется Актуба» через «царство Казанское» до «поволжских мусульман» XVIII в., когда «татарское общество оправилось от той демографической катастрофы, которую оно испытало в середине XVI в.»³⁵. По подсчетам Д.М. Исхакова, «численность татар в Волго-Уральском регионе к середине XVI в. составляла от 180 тыс. до 240 тыс. (медиана – 210 тыс.). В результате военных потерь 1552 г. и последующего времени – периода татарских восстаний (1570–1590 гг.) – татарское население понесло огромный урон; его численность уменьшилась до 120–170 тыс. чел. (медиана – около 145 тыс.)»³⁶.

Особенно большой урон понесло феодальное сословие казанских татар: к середине XVII в. в Казанском и Свияжском уездах общая численность татарских феодалов вместе с их семьями «едва ли превышала 7–7,5 тыс., что составило 6–7% общей численности казанских татар»³⁷. К рубежу XVII–XVIII вв. сословие татарских феодалов практически слилось с крестьянством, а часть, превратившись в торговцев, положила основу формирующейся татарской буржуазии. Надо полагать, в условиях политической, демографической и культурной катастрофы во второй половине XVI – первой половине XVII вв. значительные потери испытала и базировавшаяся на мусульманской конфессии духовность татарского народа. Казанские

исследователи обычно стараются обойти этот больной вопрос, но упадок ислама в Поволжском регионе в указанный период довольно отчетливо прослеживается из творческого наследия муллы Мурата, Г. Утыз Имяни (1776–1812), Абу Наср аль-Курсави (1776–1812), Ш. Марджани (1818–1890) и других мусульманских реформаторов, приложивших огромные усилия для внедрения в татарское общество «обновленного» ислама.

В татарском обществе до начала XX в. сменились три поколения мусульманских реформаторов (если считать действовавшего в 1770 г. муллу Мурата, о котором сохранилось очень мало сведений, то четыре). Основным итогом их деятельности в течение полутора столетий явился переход татарского общества к ортодоксальному исламу на рубеже XIX–XX вв. «Очищенный» от традиционализма реформированный ислам глубоко проник в татарское общество через джадидистские мектебы и медресе, печатную продукцию и проповеди. Формирующаяся нация нуждалась в собственной «высокой» культуре, которая в XVIII – середине XIX в. функционировала преимущественно на базе мусульманской образовательной системы и книгоиздательского дела.

Как весьма убедительно показал американский историк А.Дж. Франк, мусульманские идеологи татар уже в конце XVIII в. начали оказывать заметное воздействие на историческое самосознание – важнейшую часть этнической идентичности³⁸. В XVIII – первой половине XIX в. они ещё не ставили задачу целенаправленного формирования нового типа этнического самосознания татар, а поэтому ограничились конфессиональной идентичностью, о чём свидетельствует активное употребление в этот период конфессионима *мөселман*.

По представлениям А.Дж. Франка, в идеологических построениях татарских ученых-мулл с последних десятилетий XVIII в. мусульманская (конфессиональная) идентичность выступает в тесной связи с болгарской (этнической)³⁹. Однако Д.М. Исхаков считает, что «ученые-муллы могли заниматься идеологическим “конструированием” определенной общности. В этом случае следует учесть, что содержательная сторона такого “конструкта” благодаря своей сложности далеко не всегда поддается однозначной трактовке»⁴⁰. Вместе с тем он справедливо не соглашается с заключением А.Дж. Франка о том, что «болгарская идентичность... составляла *основу* региональной идентичности... мусульман Волго-Уральского региона», полагая,

что «ядром идеологического конструкта “галимов” в XVIII в. была на самом деле не этничность, а религия – ислам. «Булгарство» в этих построениях, вне всякого сомнения, присутствовало, но только в виде определенных граней идеологического конструкта: как историческая память о «добровольном принятии ислама булгарскими предками» и как «осознание» местной уммой «ценности» исторического прошлого *мусульманских* общин (А.Дж. Франк). Поэтому, когда, восстанавливая идентичность волго-уральских мусульман XVIII в., американский историк высказывается в том духе, что основу ее составляло «специфическое исламское сознание», этот вывод вполне приемлем»⁴¹. И здесь не столь важно, что имели в виду татарские ученые мужья XVIII в., говоря о булгарах: «историческое наследие Булгара», то есть средневекового Булгарского государства, Казанское ханство и проч. В любом случае ясно одно: никакого «булгарского» самосознания у казанских татар ни в XVIII в., ни даже в начале XX в. не было; «булгарская региональная идентичность» является плодом кабинетных измышлений татарских ученых-мулл XVIII в. и бытовала она, главным образом, на страницах сочинённых ими научных трактатов. Поэтому мы солидаризуемся с Д.М. Исхаковым и полагаем, что «правильнее будет говорить о специфическом «мусульманском» самосознании татар и башкир в этот период»⁴². Правда, «мусульманское» самосознание в данном понимании у башкир XVIII в., особенно восточных и южных, у меня вызывает большие сомнения.

2.3. Динамика содержания этнонима «татары» и проблема этноязыковой самоидентификации казанских татар

Третье звено в цепи самоидентификации казанских татар связывают с этнонимом *татары*⁴³ или, вернее, с тем содержанием, которое вкладывается в это понятие самими татарами и, в гораздо большей степени, окружающими народами, прежде всего русскими. С XIII–XIV вв. под термином *татары* на Руси и за ее пределами обычно понимается население Монгольской империи и Золотой Орды, независимо от этнической принадлежности, а в XV–XVI вв. этот политоним ассоциировался с тюркоязычным населением Казанского ханства (ср. этнические наименования «горные татары», «черемисские татары») и других восточных государств постзолотоордынской эпохи. Само население Казанского ханства, по всей видимости, не пользовалось этим термином. Во всяком случае, окружающие наро-

ды казанских татар в начале XX в. знали и идентифицировали под другими названиями: удмурты называли их бигерами (удм. *бигер*), марийцы – суасами, как, впрочем, и чувашей (мар. *суас*, *с̣уас*, *с̣ӱась*, менз. *с̣ӱӱӱс* «татарин»; *суасламар* «чуваша-вирьял», букв. «марийцы на чувашский лад», то есть очувавшие марийцы; остальных чувашей называли так же, как и татар: *суас* ~ *с̣ӱӱӱс*; из старочув. *с̣ӱӱӱс* «язычник», букв. «жертвоприносите́ль», ср. пратюрк. **jaγsi* «жертвоприносите́ль», **jaγi* «жертвоприношение», **jaγ-* «приносить жертву»; от старочувашского конфессионима *с̣ӱӱӱс* происходит татарское *чываш* «чуваш», вернувшееся в чувашский в качестве этнонима), мордва – *печкас*, башкиры, казахи и каракалпаки – ногаями (*ногай*, *нугай*), калмыки – мангытами (*мангт*). Сами казанские татары предпочитали называть себя местными этнонимами, многие из которых носили этнотерриториальный характер (часто по джиенным округам), или же казанцами (*казанлы* «казанец», *казан кешесе* «казанские люди»)⁴⁴. Из непосредственных соседей в Среднем Поволжье, пожалуй, только чуваша называли «казанских людей» татарами (*тутар*). Однако следует иметь в виду, что этноним *тутар* (*tudar*) в чувашский язык попал не из татарского и даже не из русского, а гораздо раньше. Переход *a* первого слога в *y* уже в среднебулгарский период говорит о том, что слово это появилось в чувашском языке задолго до образования Казанского ханства, то есть уже в золотоордынскую эпоху. Следовательно, чувашский этноним *тутар* первоначально относился к населению Золотой Орды и только позднее, со второй половины XV в., был перенесен на появившихся в Среднем Поволжье предков казанских татар.

В период Средневековья термин *татары* использовался на Руси, в Европе и мусульманских странах в качестве обобщающего названия всего населения Монгольской империи. Ещё в начале XX в. татарами назывались многие, преимущественно тюркоязычные, народы, проживающие большей частью на территории России⁴⁵. Всё это говорит о том, что становление татарской идентичности «казанцев» – явление очень позднее: она начала формироваться лишь в конце XIX в. и окончательно утвердилась только после образования в 1920 г. Татарской АССР. Становление татарской идентичности, татарского самосознания «поволжских мусульман» происходило противоречиво, трудно и долго и поэтому требует эксплицитного изложения.

В XV–XVII вв. применительно к населению Казанского ханства в русских летописях и других письменных источниках употребляется целая система этнографической, этнонимической, этноконфессиональной, этнополитической и этнотерриториальной номенклатуры. Исследование русских и европейских источников периода Казанского ханства и последующего времени показывает параллельное существование в Среднем Поволжье, по крайней мере, двух этнонимических систем – «булгарской» и «татарской»⁴⁶.

В русских летописях уже под 1468, 1469, 1475 гг. отмечаются «*Татаровя Казанские*», или просто *казанцы*, в отличие от прочего татарского (тюркоязычного) населения бывшей Золотой Орды. Татарами на Руси в то время назывались преимущественно ногайцы Мангытского юрта. «*Татаровя Казанские*» – это пришлое с Улуг-Мухаммедом с Мангытского юрта население Казанского ханства. Местное, аборигенное тюркоязычное население Среднего Поволжья в XV в. по старой памяти еще называлось болгарами: «*болгары поволжския*», «*худые болгары*» (они же «*казанцы*»), или чаще по конфессиональному признаку – «*бесерменами*» (мусульманская часть) или же «*чювашами*» – языческая часть⁴⁷. Во всяком случае, к середине XVI в. этнонимы «*болгары*» и «*татары*» (последний часто с детерминантом «*казанские*») использовали для обозначения полиэтничного тюркоязычного населения Казанского ханства.

К этнографическому ряду номенклатуры, несомненно, относится этноним *болгары*, под которым следует понимать население «Булгарского вилайета Золотой Орды»⁴⁸, которое, по моим представлениям, уже в XIV в. представляло собой во многих отношениях отличный от домонгольских болгар новый этнос, образовавшийся в результате ассимиляции золотоордынско-кыпчакского суперстрата болгарским субстратом.

В русскоязычных письменных источниках XV–XVI вв. «*Болгары Поволжския*», «*болгарцы малые*» (в отличие от дунайских «*больших болгар*») постоянно наделялись эпитетами, подчеркивающими их конфессиональную принадлежность: «*поганьи*», «*язык поган*», «*нечестивые*», «*срачини*», «*варвари*»⁴⁹. В сущности своей население «Булгарского вилайета Золотой Орды» восприняло золотоордынскую культуру, в которой преобладали среднеазиатские (хорезмийские) традиции, наслоившиеся на местные болгарские, но при этом сумело сохранить болгарский язык, правда, обогатившийся массой среднекыпчакских интерференций. К этому ряду примыкают

«этносологические определения» – и не только «болгарская чернь», «худые болгары» (XVI в.), но и «болгарская князи», «болгарские старейшины»⁵⁰, «которые могли жить в г. Казани»⁵¹. В этноконфессиональном аспекте «Болгары Поволжская» подразделялись на «бесермен»/«бусорман» (XV в.), «сарацинов» (XVI в.), то есть мусульман, и «варваров», «нечестивых», «язык поган», «незнающе бога и никакого же закона имущие», «поганый язык черемисский»⁵², то есть язычников.

Д.М. Исхаков склонен усматривать в таком терминологическом разграничении сословные разряды булгар. Касаясь этой проблемы, он, в частности, пишет: «С одной стороны, наименование «болгары» всегда применялось с определением «нечестивые» или «поганые», означавшим в конкретном контексте мусульман. С другой стороны, использование в «Казанской истории» словосочетания «болгарская чернь», «худые болгары» показывает, что «болгары» рассматривались как «черное», то есть ясачное население. Тем самым эти понятия оказываются синонимами термину «ясачные чувашы»⁵³. Однако стоит только приглядеться к семантике приведенных древнерусских слов, выясняется, что дело обстоит несколько по-другому. Во всяком случае, в древнерусском языке слово *поганый* употреблялось преимущественно в значении «язычник», ср.: др.-рус. *поганый* «язычник», «неправоверующий, еретический, еретик»; «неправославный, нехристь»; «иноземный, чужеземный», «необразованный, грубый», «нечистый»; *поганинь* «язычник»; «неправославный», «нехристь, поганый (прозвище врагов Руси)»; «иноверец, иноземец»; *погань* «язычники», «неправославные»; «нехристи, поганые (так назывались все народы, враждебные Руси)»⁵⁴. Как видим, значение «мусульманин» слову *поганый* можно навязать с большими усилиями.

Слово *нечестивый*, которое В.И. Далем толкуется как «беззаконный, неблагочестивый, неуважительный ко святыне»; «порочный, распутный, весьма развратный»⁵⁵, скорее всего, имеет отношение к «языку поган», то есть к народу языческому, чем к благоверным мусульманам.

По отношению к мусульманским народам на Руси с давних времен употреблялось специальное наименование *бесермень* (= *бесерменинь*, *бесурманинь*) «мусульманин, поклонник Магомета»⁵⁶. И действительно, это слово применялось по отношению к мусульманской части населения бывшего «Булгарского вилайета Золо-

той Орды», оказавшейся в середине XV в. в составе формирующегося Казанского ханства⁵⁷.

Лингвистического комментария требует идентификация «худых болгар» и «болгарской черни» XV в. с «ясаиными чувашами» XVI–XVII вв.

Слово *худой* в древнерусском языке имело довольно широкий круг значений: «плохой, дурной»; «некрасивый, невзрачный», «слабый», «малый», «бедный, скудный»; «незначительный, простой»; «незначительный»; «простой», «не обладающий достоинствами»; «дурной, скверный, зловредный»; «жалкий»; «ничтожный (для выражения самоуничтожения)»; «слабый, безличный»; «неясный»; ср. ещё *худе* «плохо, худо» и «мало»⁵⁸. Из всего этого круга значений для выражения «худые болгары» наиболее подходит значение «малый», ибо такое толкование находит поддержку со стороны выражения «болгарцы малые»⁵⁹, в отличие от «больших болгар на Дунае».

Выражение «болгарская чернь», если исходить от вторичного переносного значения древнерусского слова *чернь* «простой народ» при основном значении «чернота, черный цвет»⁶⁰, означает просто «булгарский народ», без всякого указания на его сословное положение. У «болгарской черни», кстати, были свои булгарские князья и старейшины⁶¹. Следовательно, не совсем корректно усматривать в «худых болгарях» одно только ясаичное население.

При ознакомлении с работами Д.М. Исхакова бросается в глаза его горячее стремление представить казанских татар исключительно как «господствующее сословие», «ядро правящего сословия», «ядро феодального сословия», «верхнюю страту, являющуюся прямым наследником правивших в Золотой Орде средневековых татар»⁶². Нет спору, в Казанском ханстве, вероятнее всего, так оно и было: пришлое золотоордынско-кыпчакское население вновь стало доминировать над местным булгарским населением. Для Средневековья это было обычным явлением: в Передней и отчасти Центральной Азии господствовали арабские халифы и эмиры, над восточными славянами – варяжские конунги – князья, над южными славянами – болгары, авары и венгры, в Прибалтике – немцы и т.д.

В XVI–XVII вв. еще со времен существования Казанского ханства в русских летописях если не все, то, по крайней мере, значительная часть населения этого государства обозначается традиционным этнонимом «болгары»: «Болгары Поволжские», «Волжские и Камские Татары и Болгары», «нечестивы Болгари, иже близ Руси

пребывающе, живуще по реце глаголемой Волзе», а также «Болгарския области», «вся страны Болгарския» и т.д., под которыми авторы XVI в. могли иметь в виду только Казанское ханство⁶³. Конечно, эти поздние сообщения о булгарах в Казанском ханстве и Казанском крае второй половины XVI–XVII вв. вслед за некоторыми казанскими коллегами можно было бы отнести к категории анахронизмов, возникающих благодаря инерции книжно-летописной традиции. Но Д.М. Исаков тонко подметил один очень важный момент: «автор источника XVI в.» – «Казанской истории» – при описании событий конца XIV – первой половины XV вв. довольно ясно высказывает мысль о проживании в районе будущего Казанского ханства «*болгарских князи и варвари*», «языка лют и поган, болгарской черни со князи и со старейшины» (выделено курсивом здесь и далее мною. – Н.Е.)... Наконец, он пишет о них как о «*худых болгары, казанцах*». Но применительно ко второй половине XV – середине XVI вв. автор «Казанской истории» предпочитает говорить о «казанцах», «казанских татарах»⁶⁴. Обобщая свидетельства русских нарративных источников, Д.М. Исаков подчеркивает, что в историко-этногенетических исследованиях должна быть принята во внимание «русская летописно-книжная традиция, учитывавшая преемственность волжских булгар и казанских татар»⁶⁵. Однако «русская летописно-книжная традиция», включая и анонимную «Казанскую историю», нигде не говорит о «преемственности волжских булгар и казанских татар». Обратимся к фактам. Итак, в «Казанской истории» читаем: «Живяху же за Камою рекою, в части земля своя, *болгарские князи и варвари*, владеюще поганым языком черемисским, незнающе бога и никоего же закона имуще, обоима же бяху служаще ни дани дающе Русскому царьству до Батяя царя»⁶⁶.

«О первом начале Казанском царстве... Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов, отуду же приде царь, именем Саян Болгарский. И поискав по местом проходя в лета 6685 (1177 г.) и обрете место на Волге, на самой украине русской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и Перме»⁶⁷. «Царь возгради на месте том Казань, никому же от державных Руси смеюще супротив что рещи. И есть град Казань, стоит и донныне... И наведе из-за Камы реки язык лют и поган, *болгарскую чернь со князи их и со старейшинами* и многу ему сущу... Наполни такими людьми землю ту ежа ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения рус-

ского в болгарских жилищах, и приложи к Казани царь *болгарские грады*», – обладают царем казанским. *То бо бе прежде земля болгарец малых за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя Воложки до великия Орды Ногайския...* Ту же был на Каме старый град, именем *Брягов болгарский*, ныне же градище пусто... И бысть Казань стольный град, вместо Брягова. И вскоре нова орда и земля благодородна... дашася во одержание и власть в наследие поганым. И от сего царя Саина прежде зачася Казань, и словяше юрт Саинов. И любяше царь, и часто сам от стольного своего града Сарая приходяще и живяще в нем. И остави по себе на новом месте, юрте своей, царя от колена своего князя с воиями...»⁶⁸.

«О первом взятии Казани... На ню же первое ходи князь Юри Дмитриевич в лета 6900 (1392 г.) послан братом своим, великим князем Василием Дмитриевичем. Тот след взя грады *болгарския*, по Волге стояше, Казань, и Болгары, Жюкотин, Керемечюк и Златую Орду повоева... а царя казанского и со товарищами своими в ярости своей мечем уби и всех срацын з женами и з детми их и живущих во граде прижече. И землю варварскую поплени и здрав с победою восвоиси возвратися. И на мало время смирися Казань и укротися, и охуде, и стояше пуста 40 лет...»⁶⁹.

«О изгнание царя Златыя Орды... и в то же время во едино спуща... а по взятие казанstem от князя Юрья 30 лет спустя, и се гоним прибежа с восточных страны, тоя же Большая Орды Златыя именем царь Улухмет (т.е. Улуг-Мухаммед. – *Н.Е.*), в мале дружине своей, изгнан сын и со царицами своими и з детми от великого Едигея старого, князя заяицкого, и царства своего лишен и мало от него смерти не прия...»⁷⁰.

«О втором начале Казанском царстве... Поганый же тот царь (т.е. Улуг-Мухаммед. – *Н.Е.*) ни в какую же Орду не восхоте от предел русских отитти... перелезе Волгу, и засяде пустую Казань, Саинов юрт. И мало во граде живущих, и нача збиратися в Казань срачани и черемиса, развие по улусом казанским. И ради ему быть изо оставшихся от плена *худыя болгары*. И молиша его *казанцы* быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго, и быти царству строителя, да не до конца загустеют, и повинишася ему. Царь же вселился в жилищах их, постави себе деревянный град крепок на новом месте, крепчайша старого, недалече от старья Казани, разоренная от руския рати. И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златыя Орды, от Асторохани,

и от Азова и от Крыма. И нача изнемогати во время то и Великая Орда усилити Золотая, и укреплятися вместо Золотыя Орды Казань новая Орда, запустевший Саинов юрт, кровию рускою кипя. И приде царьская слава, и честь, и величество з Большия Орды и с старыя матери ордам всем на преокаянную дщерь младую Казань. И паки же возрасте царство, аки древо измершее от зимы, оживе, аки солнце огреявше весне. От злаго древа, реку же от Златыя Орды, злая ветвь произыде Казань и горкий плод изнесе; и второе зачася от другого царя ординьского»⁷¹.

Надеюсь, внимательный и вдумчивый читатель из процитированных пассажей поймет, что автор «Казанской истории» четко разделяет местных «болгар» от пришлых «с восточныя страны, тоя же Большая Орды Златыя» татар. О «преемственности» можно говорить лишь в том случае, если, конечно, под этим термином понимать насильственное присоединение, захват одним государством территории, принадлежащей другому государству или народу. Но это, как я понимаю, называется несколько по-другому – аннексией. А это уже – две большие разницы.

2.3.1. Проблема этнической идентификации заказанских «чувашей»: сословие или этнос?

Вопрос о том, кем же были на самом деле «худые (малые. – Н.Е.) болгары», «бессермены», «чуваша» в этнолингвистическом отношении, не новый, он уже начал обрастать солидной литературой⁷². Вся суть раздуваемой проблемы заключается в том, что население, отмеченное в нарративных источниках этими терминами для различения от живших рядом с ними «казанцев», авторами выдвигаемых теорий вопреки здравому смыслу искусственно отделяется от чувашей. Тем не менее каждый, кто так или иначе касался этой проблемы, невольно приводил все новые и новые аргументы в пользу того мнения, что *болгары*, *бессермены* и *чуваша* Казанского края XV–XVIII вв. суть левобережная группа болгаро-чувашей, слившаяся во второй половине XVII в. с кыпчакоязычными «казанскими мусульманами». Красноречивым свидетельством тому является фонетическая система казанско-татарского языка, или так называемого «среднего диалекта татарского языка», который по сути своей является «попорченной» на болгаро-чувашском субстрате фонетической системой среднекыпчакского языка, остановившейся на полпути к чу-

вашей фонетической системе⁷³. Так, С. Хаттори относительно системы вокализма современного татарского языка пишет: «Однако при этом болгары приняли тюрко-татарский язык на основе своей собственной системы гласных, которая сохранилась как субстратное явление и которая позднее преобразовалась в систему гласных современного татарского (и башкирского) языка»⁷⁴. Правда, хронологически этот процесс он относит к золотоордынскому периоду. Но формирование современного татарского языка на болгаро-чувашском субстрате не могло начаться до появления на исторической арене Казанского ханства.

То, что этноконфессионализм «чуваши» появляется на страницах русских письменных источников впервые в 1511 г. в жалованной грамоте «Арским князьям» из Нукрата (Карино), лишней раз подтверждает наши предположения. Этноним *чуваши* (чув. *чӑваш*) сформировался в татарском языке на базе собственно чувашского конфессионализма *сӑваç* «язычник». Чувашское слово *сӑваç* на почве татарского языка приняло близкое к современному звучание (ср. тат. *чӑваш*) и сугубо этнонимическое (свободное от конфессионального) значение и в таком виде вернулось в исконное лоно чувашского языка. Естественно, этноним *чӑваш* (*чываш*) в татарском языке мог сформироваться только после образования в середине XV в. Казанского ханства и появления в Среднем Поволжье непосредственных кыпчакоязычных предков казанских татар⁷⁵.

Д.М. Исхаков совершенно справедливо считает, что «спорадическое появление этнонима «болгары», понятий «Болгарския области», «страны Болгарския» применительно к населению Казанского ханства, Казанского края и к самому государству, краю можно объяснить существованием в этом ареале до конца XV – начала XVII вв. этносословной общности, связанной по происхождению с волжскими булгарами, точнее, с тюркским ясачным населением Булгарского вилайета Золотой Орды»⁷⁶.

«Государствообразующий этнос» в Казанском ханстве, как полагает Д.М. Исхаков, состоял из двух этносословных страт, имевших различные этнические истоки: господствовавшей группы феодалов разного ранга из «татар» и «черной» части ясачников, из так называемых «ясачных чувашей» или «бесермен»⁷⁷. Получается, что «государствообразующий этнос» состоял «из двух этносословных страт, имевших различные этнические истоки» (выделено мною. – Н.Е.), то есть «этнос» состоял из двух этносов. В данном случае

лучше говорить о политике. Нет сомнения, что «феодалы разного ранга из “татар“» имели золотоордынско-кыпчакские «этнические истоки». Другим существенным «этническим истоком» населения Казанского ханства могли быть только спасшиеся бегством от погромов Тамерлана 1391–1395 гг. «худые болгары», которые до этого были жителями «Булгарского вилайета Золотой Орды», по конфессиональному признаку разделявшимися на «бесермян», то есть мусульман, и «чювашей», то есть язычников.

Д.М. Исхаков считает, что смысловое различие понятий «ясачные чувашы» и «бесермены» «в конкретном географическом ареале на территории Булгарского вилайета и позже Казанского ханства» имело «определенную этническую нагрузку» и «под ними подразумевалось тюрко-мусульманское население, жившее по меньшей мере с XIV в. в Среднем Поволжье»⁷⁸. Нет сомнения, при сопоставлении собственно казанских татар, с одной стороны, и «бесермен» и «ясачных чувашей» – с другой, на первый план выходит «этническая нагрузка». Тем не менее основное различие понятий «ясачные чувашы» и «бесермены» заключается не в этнической, как полагает Д.М. Исхаков, а в конфессиональной «нагрузке». Под «тюрко-мусульманским населением, жившим в Среднем Поволжье по меньшей мере с XIV в.» я понимаю обулгаризировавшееся кыпчакское население Булгарского улуса Золотой Орды⁷⁹.

Тем не менее Д.М. Исхаков, видимо, прав в том, что «худые болгары» в Казанском ханстве занимали «низовое» положение «болгарской черни». По его мнению, в русскоязычных источниках до первых десятилетий XVII в. они именовались «ясачными чувашами», а в XIV–XV вв. эту же группу населения русские летописи называли «бесерменами». Д.М. Исхаков пишет: «...ясачные чувашы-бесермены локализовались на основной территории Казанского ханства и в XV–XVI вв. говорили на татарском языке. Их численность значительно превосходила собственно “татарскую” часть господствовавшего в ханстве этноса»⁸⁰. Таким населением в Среднем Поволжье в период формирования Казанского ханства могли быть только различные этноконфессиональные группы постзолотоордынского булгарского этноса. Численно гораздо превосходящее татар булгарское население, проживавшее в значительно удаленных от Казани – основного места сосредоточения «господствовавшего в ханстве этноса» – местах, во второй половине XV и даже в первой половине XVI в. вряд ли успело полностью перейти на «татарский»

язык. В первую очередь, видимо, отатарилась мусульманская часть болгар, чем и объясняется относительно раннее исчезновение со страниц нарративных источников этноконфессионализма *бесермены*. Кстати, в тех случаях, когда это играет в пользу его теоретических построений, Д.М. Исхаков признает, что «булгары являлись одним из субстратных компонентов казанских татар»⁸¹.

По подсчетам Д.М. Исхакова, на начало XVII в. в Казанском уезде «ясачных чувашей» было намного больше, чем татар. По материалам писцовой книги 1602–1603 гг., здесь насчитывалось 228 дворов служилых татар (включая новокрещеных) и 802 двора «ясачных чувашей» (с новокрещеными). Сведения эти далеко не полные: в писцовую книгу попало только то ясачное население, которое имело земли по соседству со служилыми татарами⁸². Следовательно, во всех других местах должно было жить ясачное население, которое не попало в поле зрения писцов.

Изучая расселение «ясачных чувашей» в XVI–XVII вв., Д.М. Исхаков пришел к выводу, что «это население, за редким исключением, сосредоточивалось на территории Казанского и Свияжского уездов, то есть в центральной части Казанского ханства»⁸³. Еще в начале XVII в. «чуваша» фиксируются фактически на всей территории Казанского уезда: в Зюрейской даруге были 43 чувашские и 21 смешанная татарско-чувашская деревня, в Арской соответственно 35 и 19, в Ногайской – 18 и 23, в Алатской – 11 и 21, даже в самой маленькой, Галицкой даруге – 10 и 7. Всего в Казанском уезде в начале XVIII в. было 117 чувашских и 91 смешанная чувашско-татарская деревня (в общей сложности 208 поселений); из упоминаемых в писцовой книге Свияжского уезда 1565–1567 гг. 33 селений 22 были чисто чувашскими, 11 – смешанными татарско-чувашскими и всего 6 деревень были населены татарами⁸⁴.

Всего в «Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов» упоминаются до 90 «татаро-чувашских»; 36 «чувашских», 15 «татарских» и 3 «новокрещенские» (без этнического определения) деревни (С. 202–203). Напоминаю, что при этом вместе со служилым населением переписывалось только население, имевшее смежные с ним угодья⁸⁵. На самом деле поселений «чувашей» в Казанском крае в XV–XVII вв. должно было быть в разы больше.

Таким образом, многочисленная группа населения, известная под этнонимом *чуваша*, отмечается в Казанском и Свияжском уездах в писцовых и переписных книгах и актовых материалах XVI – пер-

вой половины XVII вв., но со второй половины XVII в. они постепенно начинают именоваться в источниках татарами. Однако этноним *чуваши* в Закавказье доживает до начала XVIII в., а иногда встречается и позже⁸⁶. Следовательно, окончательная ассимиляция закавказских и арских «чувашей» в среде татар относится ко второй половине XVII в. Правда, Д.М. Исаков полагает, что чувашаи Казанского края в XVI–XVII вв. были уже татароязычными, но избегает говорить о том, на каком языке они говорили до этого самого «уже». Его смущает, что «население, которое в начале XVII в. еще считалось «чувашиами», став в середине XVII в. «татарами», поменяло за какие-нибудь 30–40 лет свой родной язык»⁸⁷. Во-первых, к этим 40 годам смело можно добавить еще столько же, так как Д.М. Исаков сам установил, что в Казанском крае «термин “ясачные чувашаи” употреблялся в некоторых документах до начала XVIII в., иногда даже позже»⁸⁸. Во-вторых, можно поставить такой эксперимент: сколько времени понадобится нормальному человеку для освоения другого языка, если его переселить в чужую этническую среду? Эвакуированные украинские и русские женщины (о детях и не скажу) в Великую Отечественную войну осваивали чувашский язык максимум за полгода. Ведь в чувашских деревнях тогда мало кто говорил по-русски. И наконец напомним, что чувашский и татарский языки родственные. Когда я после школы оказался в Казани, татарский освоил примерно за полгода, хотя большей частью общался на русском языке. Так что за 30–40 лет можно полностью перейти на любой, даже неродственный язык.

Д.М. Исаков пишет: «...при отнесении к чувашам населения центральной части Казанского уезда, известного по письменным источникам XVI – первой половины XVII вв. как «ясачные чувашаи», завершение формирования этноса казанских татар придется отодвинуть чуть ли не на конец XVII в. Такой вывод по отношению к этносу, создавшему свое феодальное государство с развитой социальной стратификацией, представляется необоснованным»⁸⁹. При этом следует напомнить, что формирование этноса – процесс перманентный и никогда не завершается, можно говорить только о завершении какого-то определенного этапа формирования этноса. При строго научном подходе, казанские татары первой половины XVI в. – это одно, казанские татары XVII в. – другое, казанские татары XIX в. – третье и т.д. А ведь и в начале XXI в., откуда существуют сибирские, астраханские, крымские и прочие татарские идентичности, нельзя

считать завершившимся процесс формирования единого татарского этноса.

В целом, с мнением Д.М. Исхакова относительно того, что «в «ясачных чувашах» XVI–XVII вв. и «бесерменах» XIV–XV вв. надо видеть этнословную группу, в формировании которой основную роль сыграли булгары, скорее всего включившие в свой состав и перешедших к оседлости кыпчаков, а также других тюрков, ранее находившихся среди кочевой части населения Золотой Орды, а возможно, и иных этнополитических образований»⁹⁰, я вполне солидарен, но с одной небольшой оговоркой: применение термина «этнословная группа» ни к XIV–XV вв., когда Казанского ханства как такового еще не было (княжество Асана/Осана/Хасана принято называть булгарским), ни тем более к XVI–XVII вв., когда Казанского ханства уже не стало, а термин «ясачные чуваша» появился уже на русской почве, не совсем корректно. Поэтому будет гораздо правильнее, если «бесермен» и «чувашей» будем считать конфессиональными группами единого постзолотоордынского булгарского этноса.

2.3.2. Проблема этнической идентификации «казанцев»: татары или ногаи?

По мнению Д.М. Исхакова, «во всех позднезолотоордынских татарских государствах» сохранялся единый феодальный класс и «именно эта верхняя страта, являвшаяся прямым наследником правивших в Золотой Орде средневековых татар... даже после распада в начале XV в. Улуса Джучи продолжала поддерживать чувство принадлежности к общетатарскому миру»⁹¹. Согласимся с мнением, что выходцы из золотоордынской феодальной знати, обосновавшиеся в Казанском царстве во времена Улуг-Мухаммеда и позднее, составляли социальную верхушку, а местное население бывшего Булгарского улуса Золотой Орды в Казанском ханстве оказалось в зависимом положении. Д.М. Исхаков пишет, что «можно вполне уверенно говорить о «дружине» хана Улуг-Мухаммеда накануне завоевания Казани в 3–3,5 тыс. воинов». Разумеется, с членами семей численность группы, прибывшей с ханом на территорию Казанского ханства, могла достичь 10 тыс. человек, а то и больше»⁹². Но вот встает вопрос: кем были в этноязыковом понимании эти 10 тысяч человек?

Уже во второй половине XV в. в русских летописях по отношению к государствообразующему населению формирующегося в Среднем Поволжье Казанского ханства достаточно широко употребляется этнополитоним «*Татаровя Казанские*» (отмечается под 1468, 1469, 1475 гг.), то есть «казанские татары» (*казанцы*). В его основе, несомненно, лежат два понятия: собственно этносоционима – «*татаровя*» в собирательном смысле «все население бывшей Золотой Орды» и даже шире – и территориально-политическое, часто употребляемое в русских летописях понятие «*земля Казанская*», «*вся земля Казанская*», «*царство Казанское*», «*Казанская Орда*», «*град и царство Казанское*»⁹³. Поскольку на Руси этноним *татары* в течение ряда веков обозначал прежде всего множество тюркоязычных народов в их совокупности, а также и многие другие этносы (ср. форму собирательной множественности *татаровя*), то для определения собственно населения «Казанского царства» к этнониму *татаровя* был прибавлен детерминант «*казанские*», который обозначал принадлежность татар к политике Казанское ханство. В его основе находился часто употребляемый в русских летописях топоним «царство Казанское». Кстати, широко употребляющийся в историографии технический термин «Казанское ханство» является искусственным конструктом, придуманным кабинетными учеными, а в письменных источниках он нигде не встречается. Население «Казанского царства» в нарративных источниках XV–XVIII вв. обычно называлось «казанскими людьми»: «*люди Казанские*», «*все Казанские люди*», «*все Казанския земли люди*», «*все земские люди*» или просто «*казанцы*» (тат. *казанлылар*). Этот термин обычно распространялся на все население «Казанского царства» независимо от этноязыковой принадлежности, то есть носил надэтнический характер политонима, а не собственно этнонима. Даже предки современных казанских татар сами себя вплоть до рубежа XIX–XX вв. татарами не называли. Американский историк А. Дж. Франк пришел к заключению, что в XVIII в. термин *татары* поволжскими мусульманами в качестве самоназвания не употреблялся.

Европейские ученые в XVI–XVIII вв. именем *ta(r)tar* называли практически всех кочевников и даже распространяли это название на русские земли⁹⁴, а некоторые западные источники XVIII в. называли Великой Татарией и всю Россию. Венгерский офицер Ш. Турколы, побывавший в XVIII в. в Среднем Поволжье, татарами называет всё нерусское население Поволжья и Приуралья: «живут многие разные

татары... как: черемисы, чувашы, мордовцы, каракалпаки, башкиры, калмыки»⁹⁸. Венгерский географ Янош Томка Саска в книге, изданной в 1748 г. (второе изд. в 1777 г.), пишет о «Татарии Великой» с центром в Казани, населенной, кроме татар и русских, черемисами, мордвинами, чувашами... уфимскими татарами и мешчеряками, а также упоминает провинцию Булгария, где живут уфимские и башкирские татары»⁹⁶.

Конец XVIII в. ознаменовался началом татарского религиозного реформаторства, возникшего, прежде всего, как ответ на развитие в России капиталистических социально-экономических отношений и Просвещения. По мере того, как мусульманская этноконфессиональная общность Среднего Поволжья, включившись во второй половине XIX в. в формирующееся индустриальное общество, начала приобретать специфические черты «этнокультурной нации», на повестку дня встает вопрос о новом типе идентичности формирующейся нации, начинают отчетливо проявляться татарская национальная идеология и этнополитический национализм. Начала этнонациональной идентичности современных татар, насколько мне известно, исходят из «первой современной истории казанских татар»⁹⁷ – трактата Ш. Марджани «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» («Извлечение вестей о состоянии Казани и Болгара»), изданного впервые в 1885 (т. 1) и 1900 (т. 2) в Казани. Именно он сделал выбор в пользу современного типа идентичности татар на этнической основе. Правда, по моим соображениям, правильнее было бы, если Ш. Марджани в свое время остановил выбор на этнониме *нугай*, ибо, по его же словам, татары «берут название “*нугай*”, употребляют между собой это название и считают себя представителями этого народа»⁹⁸, в то же время, «из-за того, что русские, стараясь унижить и оскорбить их, называют их татарами, некоторые считают ущербным быть татаринном, стесняются этого имени и, отрицая свое «татарство», распространяют слухи, что мы-де никакие не татары, мы – мусульмане»⁹⁹. Отсюда ясно, что даже в XIX в., во времена Ш. Марджани, среди казанских татар *ногайская этническая идентичность* была гораздо популярнее, чем татарская. Кстати, Р. Хакимов пишет, что «татар и ногайцев стали считать разными народами только в советское время, но до сих пор в Центральной Азии татар продолжают называть нугаями»¹⁰⁰.

В своих идеологических построениях Ш. Марджани отстаивал целесообразность использования применительно к «казанским му-

сульманам» этнонима *татары*, добиваясь таким образом установления исторической преемственности между казанскими татарами своего времени (XIX в.) и волжскими булгарами через промежуточные звенья – Казанское ханство и Золотую Орду¹⁰¹. И. Марджани в меру своего понимания истории Восточной Европы и сопредельных регионов без достаточных обоснований инкорпорировал историю Волжской Булгарии и Золотой Орды в историю казанских татар. При этом свое внимание он сосредоточил на распространении мусульманства, и «это послужило основой для утверждения связи эпохи волжских булгар через Золотую Орду с казанскими татарами периода современного Марджани»¹⁰².

Отдавая предпочтение заимствованному из русского языка экзотониму *татары*, Ш. Марджани, очевидно, следовал устоявшейся в российской историографии традиции этнической идентификации «казанцев» на основе этнополитонима *татары*, хотя в период жизни Ш. Марджани (1818–1889) татарская идентичность поволжских мусульман ещё только формировалась, этноним *татары* самими казанскими татарами отторгался и «среди крестьянских масс, особенно в районах компактного проживания казанских татар, продолжали функционировать старые идентичности, особенно по профессиональному признаку – *мөселман*»¹⁰³.

В XIX – начале XX вв. в России «татарами» называли не только поволжских татар, но вообще все тюркоязычные народы России, исповедующие мусульманство: абаканских, азербиджанских, аринских, астраханских, барабинских, белорусских, енисейских, закавказских, западносибирских, иртышских, ишимских, казанских, казахских, касимовских, крымских, кузнецких, лебединских, литовских, мелецких, сибирских, таврических, тарских, тобольских, томских, туринских, тюменских, чацких, черневых, чулымских, ялуторовских и прочих татар¹⁰⁴.

В закреплении за казанскими татарами современного этнонима не последнюю роль сыграло и русское окружение, в первую очередь правительственная администрация Российской империи, традиционно использовавшие по отношению к поволжским мусульманам собирательное название *татары*. Создатели новой татарской идентичности из числа национальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв., в том числе и отец-основатель новой татарской идеологии Ш. Марджани, явно принимали во внимание невозможность уйти от этой российской реальности. Таким образом, во второй

половине XIX – начале XX в. в ходе буржуазных социально-экономических и культурных преобразований и подъема национального общественно-политического движения у поволжских татар происходит процесс формирования нового типа этнического самосознания на основе заимствованного из русского языка аллоэтнонима *татары*.

2.3.3. Блуждание между тюрками и татарами

К рубежу XIX–XX вв. благодаря трудам Ш. Марджани, И. Гаспралы, Х. Атласи, Г. Исхаки и других представителей татарской интеллигенции была сформулирована татарская национальная идеология, опирающаяся на осознание исторической преемственности традиций Тюркских каганатов, Великой Булгарии, Хазарского каганата, Волжской Булгарии, кыпчакско-куманско-половецких и татарско-монгольских этнополитических образований степей Евразии, Золотой Орды и Казанского ханства.

На основе понимания исторической genuinity тюркоязычных народов среди занимающей активную гражданскую позицию татарской интеллигенции в начале XX в. начинает распространяться своеобразная «тюркская» (или тюрко-татарская) идентичность на основе квазиэтнонима *төрөк* «тюрк». Здесь, очевидно, надо учитывать и следующий немаловажный фактор: созданная татарской мусульманской интеллигенцией «высокая» культура на основе арабской письменности в конце XIX – начале XX в. получила достаточно широкое распространение в просвещенных кругах не только татарской, но и башкирской и, частично, казахской интеллигенции. Тем не менее тюркская идентичность среди татар не прижилась. В целом, на этапе складывания татарской этнической идентичности национальная интеллигенция выступала апологетом общенационального этнонима *татар(лар)* – «татары»¹⁰⁵.

В начале XX в. в развитии татарской идентичности наибольшую активность проявляли молодое поколение национальной интеллигенции и буржуазия; крестьянство в этом процессе практически не участвовало. Воспитанной в лоне российской высокой культуры молодой татарской буржуазии и просвещённой светской интеллигенции ближе по духу оказалась татарская «этнополитическая» идентичность. Выдающийся татарский ученый, писатель и общественный деятель Г. Ибрагимов, вступив в активную полемику с буржуазными

либералами, в начале XX в. выступил против этнонима *төрөк* (который, кстати, в татарском одновременно означает и «тюрк», и «түрок») в функции общенационального этнонима для всех «татар» Европейской России и Западной Сибири, резонно замечал: «Мы татары, наш язык – татарский, наша литература татарская, всё, что мы делаем, татарское, наша рождающаяся культура тоже будет татарской»¹⁰⁶.

Состояние этнического самосознания казанских татар в начале XX в. достаточно объективно представлено, в частности, в следующем высказывании казанского губернатора П.М. Боярского, появившемся в печати в 1914 г.: если «раньше на вопрос: какой мы нации, татарин отвечал – мусульманской», то теперь в «Казанской губернии тяготение мусульман к религиозному фанатизму ослабевает и крепнет стремление к народности, усвоению татарского национализма (то есть этнической идентичности) и созданию самостоятельной мусульманской культуры»¹⁰⁷.

В первой четверти XX в. с усилением пропаганды национальной идеологии татар, особенно у национальной интеллигенции и буржуазии, этническое самосознание быстро менялось. После октябрьского переворота 1917 г. на гребне волны «строительства национально-культурной автономии мусульман внутренней России» вновь всплыли на поверхность разные вариации идентичности татар: конфессиональная (*мөселман*), историческая (*болгар*), этнонациональная (*төрөк, татар*).

После смены «буржуазного» проекта «Штата Идель-Урал» на советский проект создания Татаро-Башкирской Советской Республики татарская интеллигенция стала насаждать «татаро-башкирскую» идентичность. Однако после присоединения Уфимской губернии к Башкирской АССР в 1922 г. «конструктивистским» усилиям татарских политтехнологов пришел конец. Понятие «тюрко-татары» после образования Татарской АССР продолжало доживать свое только в работах татарских политэмигрантов.

2.3.4. «Казанские мусульмане» становятся татарами

Благодаря усилиям татарских идеологов и политтехнологов первой четверти XX в. к 20-м гг. минувшего века большинство татар уже довольно прочно усвоило этническую идентичность на основе этнополитонима *татары*, но, тем не менее, татарская этнонациональная идентичность в массовой форме распространяется лишь в

советское время, уже после создания в 1920 г. Татарской АССР. Так, по данным переписи 1926 г., 88% татарского населения европейской части СССР (включая крымских, астраханских и прочих татар) записалось татарами, а остальные 12% – мишарями, тептярями, нагайбаками и т.д. Следовательно, уже в первой четверти XX в. этноним *татары* становится общим самоназванием для поволжско-приуральских, астраханских, юртовских, крымских, литовских, сибирских татар, мишарей, тептярей, кряшен, нагайбаков и проч.

Утверждение в конце XIX в. этнонима *татары* и усвоение всеми основными этнотерриториальными и локальными субэтническими группами единого татарского самосознания стали одним из свидетельств завершения процесса консолидации татарской меганации к середине XX в. Итак, «общенациональный этноним является конечным результатом становления татарской национальной общности...»¹⁰⁸. Вместе с тем надо иметь в виду и то, что в этническом развитии татарской этноязыковой общности уже со второй половины 80-х гг. прошлого века появились центробежные тенденции, которые активизируются в связи с ростом этнического самосознания сибирских и астраханских татар, кряшен, нагайбаков и мишарей. Это свидетельствует, во-первых, о том, что татарская этническая идентичность для этих «субэтнических» групп, по сути, является в известной мере искусственной и, во-вторых, за без малого столетнее развитие она ещё не успела закрепиться в периферийных и к тому же гетерогенных по своему происхождению локальных этнических образованиях. Это дало повод М.З. Закиеву констатировать, что «процесс принятия этнонима *татар* волжскими татарами полностью ещё не завершился»¹⁰⁹.

Уже беглый обзор исторической динамики различных идентичностей казанских татар показывает, что татарская этнолингвокультурная идентичность родилась в больших муках как завершающий этап в цепи исторической трансформации самых разных идентичностей – конфессиональных (*мөселман*), локальных (*казанлы*), этнических (*чюваши*, *нугай*, *болгар*, *татар*, *мишәр*), политических (*казанцы* – в смысле «население Казанского ханства»; *татары* – сначала как население Золотой Орды и Казанского ханства, а затем Республики Татарстан). Из всего этого разнообразия исконной для казанских татар является этническая идентичность на основе этнонима *нугай*, что означает – ногайцы, выходцы из Ногайской Орды. Это находится в полном соответствии с генеалогией тех «татар», которые

пришли в Среднее Поволжье вместе со свергнутым с ханского престола Улуг-Мухаммедом.

Булгарской идентичности у казанских татар (равно как и у всех других субэтнических подразделений татар) никогда не было. Не следует выдавать книжно-литературную пропаганду гипотетической идеи о булгаро-татарской преемственности (скорее конфессиональной, чем этнической) ранними татарскими просветителями (Х. Муслими, Т. Ялчигуловым, Ш. Марджани и их последователями) за этническое самоопределение народных масс. Уже сама форма этнонима *болгар* (чит. *българ*) выдает, что мусульманские просветители позаимствовали этот этнополитоним у средневековых арабских и персидских авторов, а не из живого народно-разговорного языка (в последнем случае этноним должен звучать по-татарски как *бөләр*; татарское название Билярска *Биләр* – из русского языка).

В данном случае показательно и то, что даже усиленная пропаганда булгаро-татарской этнической, политической, культурной, языковой и прочей преемственности, развернувшаяся в Татарстане после злополучного постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и не прекратившаяся до сих пор, не помогла: татарский народ в целом так и не принял навязываемую «булгаристами» булгарскую этническую идентичность.

И наконец, следует напомнить, что этническая идентичность современных татар базируется на аллоэтнониме «*татары*», заимствованном из русского языка.

3. «ЧУВАШИ» – АЛЛОЭТНОНИМ ОТКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Что касается *этнического самосознания чувашей*, то оно, пожалуй, со времен Казанского ханства не претерпело существенных трансформаций. В основе этнонима *чăваш* «чуваш», как уже было отмечено выше, лежит конфессионим *çăваç* (< др.-тюрк. *jaŋıç «жертвоприноситель» < *jaŋ* «приносит жертву»). Противопоставление населения Булгарского улуса по конфессиональному признаку – «мусульмане» (ср.-булг. **bě°sě°rmän*) и «язычники» (ср.-булг. *ʒıwas

~ *ʃiwaʃ – букв. «жертвоприноситель»), сложилось, очевидно, в золотоордынский период истории болгарских предков чувашей. Однако, как показывает анализ фонетических изменений, происшедших при интерференции конфессионима *šwaʃ* из старочувашского в татарский и из татарского обратно в чувашский, его этнонимизация могла иметь место только в период Казанского ханства. Татарская форма *чуаш* (чит. *čiwaʃ*, *č'ā'vaʃ*) «чуваш» отражает старочувашскую форму *šwaʃ* «жертвоприноситель, язычник», которая находит поддержку со стороны марийского *суас* (диал. *süäs*, *šäs* ← чув. *šwaʃ*) «чуваш», «татарин» (ср. также мар. Г. *суасламар* – букв. «очувашившийся мариец», «мариец на чувашский лад», так называют своих соседей – верховых чувашей, которые действительно являются очувашившимися марицами). Марийское *суас* изначально относилось к чувашам и только со временем, по мере отатаривания заказанских и арских «чувашей», незаметно распространилось на татар. Ещё совсем недавно сами татары хорошо чувствовали, что под марийским названием *суас* «татарин» первоначально подразумевались чувашаи. Так, например, татарский ученый Х.-Г. М. Габашаи еще в начале минувшего века писал: «Черемисы, например, татар называют чувашами, однако это не дает повода ученым относить татар к чувашам»¹¹⁰. Среднебулгарская форма *ʃiwaʃ с инициальной звонкой аффрикатой *ʃ* не может быть прототипом татарского *čiwaʃ* «чуваш», ибо она должна отражаться в форме *jīwaʃ или *ʃiwaʃ, но такой формы татарские говоры не знают. Современное самоназвание чувашей *čiwaʃ* (*čiwaʃ*), как, впрочем, и русское *чуашаи*, восходит к старотатарскому *čiwaʃ* времен Казанского ханства (в русскоязычных письменных источниках этноним «*чувашаи*» впервые зафиксирован в 1511 г.).

Казанские мусульмане в XV в. переняли старочувашское *šwaʃ* в конфессиональном значении, но чувашаи восприняли татарское фонетическое преломление этого термина *čiwaʃ* уже в этнонимическом смысле, хотя этимологически устанавливаемый конфессиональный «подтекст» довольно отчетливо проявляется и в современном языке: например, в конфессионально смешанных, но этнически чисто чувашских деревнях языческие «концы» непременно называются *čiwaʃ касси* «чувашский околодок», хотя и на других «околодках» живут этнические чувашаи. В поликонфессиональных чисто чувашских деревнях чувашами называются только приверженцы традици-

онной языческой веры, а чуваша-христиане уже называются *кёрешён*, чуваша-мусульмане – *тутар*, то есть «татары». Отсюда можно сделать вывод: современная этническая идентичность чувашей на базе этнонима *чăваш* окончательно сложилась в период Казанского ханства (1438–1552 гг.) и, как можно судить по ранним фиксациям этнонима *чуваши* в русских источниках (1508, 1511), скорее, уже к концу XV в.

С середины 1860-х гг. Н.И. Ильминский и его сподвижники начали разрабатывать теорию болгарского происхождения чувашей. На подлинно научную основу теория болгаро-чувашской этноязыковой преемственности была поставлена Н.И. Ашмариним. В опубликованном в 1902 г. исследовании «Болгары и чувашаи», опираясь на восточные, отечественные и западные источники, свидетельства языка болгарских эпитафий XIII–XIV вв., болгаро-чувашские лексические заимствования в венгерском, удмуртском, коми, марийском, мордовском языках, исследования истории, лексического богатства чувашского языка, данные археологии и этнографии, он обосновал теорию болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности, неопровержимо доказал гипотезу болгарского происхождения чувашского народа¹¹¹. В своём основополагающем исследовании чувашского этноглотогенеза Н.И. Ашмарин пришёл к следующим выводам: 1) «язык волжских болгар тождествен с современным чувашским»; 2) «современные нам чувашаи представляют из себя не что другое, как прямых потомков волжских болгар»; 3) татарские завоеватели края, «унаследовав то политическое значение, которое сначала принадлежало болгарам, и отчасти и их культуру и приняв ислам, стали сами приписывать себе болгарское происхождение»¹¹².

Научно обоснованная теория болгаро-чувашской этноязыковой преемственности в начале XX в. была подхвачена формирующейся чувашской национальной интеллигенцией и к началу 20-х гг. получила достаточно широкое распространение в среде творческой и политической общественности¹¹³. В годы становления чувашской государственности передовой частью национальной интеллигенции даже был выдвинут тезис о болгарской идентичности чувашей, который обсуждался в самых высоких инстанциях. Так, в связи с обсуждением проекта декрета о преобразовании Чувашской Автономной области в Чувашскую Автономную ССР на II сессии областного исполкома Советов V созыва 26 февраля 1925 г. М.П. Петров (Тинехпи) выступил с докладом «О происхождении чуваш» и предложил

назвать республику Булгарской¹¹⁴. Сессия «вопрос о присвоении проектируемой Автономной Чувашской Социалистической Советской Республике [названия] «Булгарской» постановила оставить открытым» и поручила Президиуму областного исполкома Советов «принять меры к широкому освещению вопроса о булгарском происхождении чуваш в печати в целях внедрения его среди чувашских масс»¹¹⁵. Однако данное поручение было услышано лишь научной и частью творческой интеллигенции республики (см. творческое наследие М.П. Петрова, Г.И. Комиссарова, Н.В. Никольского, И.Н. Юркина, Д.П. Петрова-Юмана, И.С. Максимова-Кошкинского, М.Ф. Юрьева и др.), а партийно-советское руководство молодой республики о булгарском периоде истории чувашского народа тогда имело самое смутное представление. Об отношении местного руководства к булгарской проблематике можно судить по реакции руководимой и направляемой им критики в адрес исторических опусов Г.И. Комиссарова, М.П. Петрова (Тинехпи), Д.П. Петрова (Юмана) или произведений молодых литераторов на историческую тему. Так, например, бурю суровой критики вызвала пьеса М.Ф. Юрьева «Последние дни Булгарского государства». Постановка этой пьесы обсуждалась аж на заседании бюро обкома ВКП(б) от 23 февраля 1923 г., где ей был вынесен убийственный вердикт: «Пьеса Юрьева... не может претендовать на историческую достоверность... Идеологическая невыдержанность пьесы является основной помехой распространению ее среди широких трудящихся масс»¹¹⁶. А начиная с принопамятных 30-х гг. XX в. булгарская тема в чувашской историографии попадает под негласный запрет. Возвратиться к разработке ранних этапов этнической истории чувашского народа историки получили возможность только в период «хрущевской оттепели», но и тогда над посягнувшими на эту практически бесперспективную тему исследователями висел дамоклов меч. «Идеологически вредные» исторические труды Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, М.П. Петрова (Тинехпи), Н.Н. Поппе и других были упрятаны в спецхран и не переиздавались, а в средствах массовой информации и на страницах научных публикаций постоянно подвергались убийственной критике и остракизму¹¹⁷. Театровед Ф.А. Романова уже в конце 1980-х гг. о пьесе М.Ф. Юрьева писала буквально следующее: «Но главное, порочна была основная мысль произведения, что русские и чувашы – испокон веков враждующие нации, что не классовая борьба характерна для истории, а вражда наций»¹¹⁸. Поэтому нет ничего удивительного

тельного в том, что даже в 70–80-х гг. прошлого века «театр, любимый народом» брался за исторические драмы на болгарскую тему с большими опасениями и оглядками (до сих пор перед глазами болгары в дерюжных лохмотьях на фоне одетых в шелка и парчу монголов и русских в спектакле «Плач девушки на заре»). После тихого всплеска в 1960–1970 гг. болгарская тематика в трудах чувашских ученых постепенно стала угасать, хотя и продолжает тлеть в паранаучных публикациях. Профессиональные историки предпочитают новую и новейшую эпохи истории чувашского народа и всячески стараются обходить болгарскую тематику. В конечном итоге мы имеем то, что имеем: болгарская традиция даже в узких рамках X–XIV вв. (не говоря уже о более ранних, глубинных этапах истории) «почти совсем не осмыслена нами и воспринимается как нечто чуждое чувашской культуре», хотя «определенные следы её наличия можно обнаружить (как в языке, так и в конфигурации мифологических представлений)»¹¹⁹. Я бы к этому добавил, что традиционная духовная (включая язык) и отчасти материальная культура этнографических чувашей (XVIII–XIX вв.) в своей основе является прямым и непосредственным продолжением традиции преимущественно правобережных болгар, относительно слабо подвергнутых влиянию золотоордынской городской культуры. Левобережная, закамская часть болгар после погромов Тамерлана мигрировала в Предкамье и Заказанье, где дожила до XVIII в. («*чюваша*» русских источников), пока окончательно не была ассимилирована мусульманами.

Итак, выясняется, что у чувашей, хотя и сохранилась смутная историческая память о «почивающих в *Пүлер* святых предках» (*Пүлерте выртан ырайсем* = тат. **Бөләрдә ятаган арулар*), не была сколько-нибудь заметно развита болгарская идентичность на основе этнонима *булгар*. Да и сам этноним *пайхар* – чувашизированный вариант татарского *болгар* – на чувашской почве появляется не ранее рубежа XIX–XX вв. Исторические знания о Волжской Булгарии и булгарах получили распространение только в среде образованной части чувашей, причем распространялись они, как уже было замечено, книжно-литературным путем. Источниками сведений о булгарах были, по крайней мере, татарские и русскоязычные нарративы. В современном чувашском языке существуют, по крайней мере, три основных фонетических варианта этнополитонима *булгар*: 1) исконное *пёлер*, *пүлер*, *поляр* (преимущественно в значении полисонима *Пүлер*, то есть названия столицы Волжской Булгарии Великого горо-

да, или *Биляра* русских летописей (тат. *Биляр* – назв. с. Билярск Алексеевского района, из рус. *Билярск*); 2) *пӑлхар* – устное заимствование из языка просвещенных татар (арабографичные старотатарские тексты мало кто из чувашских исследователей начала XX в. умел читать), а в самом старотатарском тюрки форма *болгар* появилась в результате заимствования соответствующего термина из средневековых арабографичных письменных источников; 3) *пулхӑр* (ср. название упомянутой выше пьесы М.Ф. Юрьева «Пулхӑр патшалӑхӑн юлашки кунӑсем») – заимствована из искаженной на русской почве формы *бӱлгар* [*бӱлгър*] с ударением на первом слоге (в тюркских языках, где фиксированное ударение на последнем слоге слова, такая форма невозможна). Из всех трех фонетических вариантов в чувашской историографии утвердился вариант *пӑлхар*, в конечном итоге восходящий через татарское посредство к средневековой арабской нарративной традиции¹²⁰.

Многовариантность этнонима «*булгар*» на чувашской почве свидетельствует, таким образом, об относительно позднем (не ранее рубежа XIX–XX вв.) появлении болгарского исторического сознания в среде преимущественно творческой чувашской интеллигенции (историков, лингвистов, писателей, художников, театральных деятелей). В толще трудящихся масс болгарское историческое сознание не привилось до сих пор. Тем не менее, в отличие от урало-поволжских татар, этническое самосознание и идентичность на основе этнонима *чӑваш* у чувашей утвердились рано, как минимум уже во времена Казанского ханства. Видимо, еще в конце золотоордынской эпохи формировалась идентификация предков чувашей по конфессиональному признаку на базе чувашского термина *çӑваç* «жертвоприноситель», то есть «язычник» (что засвидетельствовано марийским *суас* «чуваш», «татарин»). В эпоху Казанского ханства этот конфессионим в татаризированном звучании *чуаш* (*ç'ăwaš'*) приобрел статус этнонима и в таком качестве проник в чувашский и русский языки.

Других самоидентификаций у чувашей, по крайней мере у той их части, которая сохранила донные чувашскую идентичность, по видимому, никогда и не было. Во всяком случае, в постзолотоордынскую эпоху какие-либо иные идентичности у чувашей нигде не отмечены. Очевидно, до конца золотоордынской эпохи у предков чувашей существовало «*бюлерское*» (на основе собственно болгарского звучания этнонима в форме *бюлер* ~ *bülär*) самосознание, причем внутри бюлерского общества уже в XIV в. развивались конфессио-

нальные идентичности *бесермен* «мусульманин» и *с̣а̣вас* – приверженец традиционных религиозно-мифологических воззрений. Дальнейшее изучение этнокультурной и политической истории булгар необходимо вести в рамках устанавливаемых для Средневековья этнических, конфессиональных и социополитических идентичностей.

Литература и источники

¹ *Шамилоглу Ю.* Мы не татары! Изобретение болгарского самосознания // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань: КГУ, 2006. С. 361.

² *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М.: Наука, 2001. С. 145.

³ Там же. С. 144.

⁴ *Фәхретдинов Р.* Болгар вә Казан төрекләре. Казан, 1993. 49 б.; *Каримуллин А.Г.* Татары: этнос и этноним. Казань, 1988. С. 118; *Закиев М.З.* Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. С. 102–103.

⁵ *Шамилоглу Ю.* Мы не татары! ... С. 362.

⁶ *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai kiado, 1986. 32, 280, 386–388, 396–399, 404 l.; *Егоров Э.Н.* Пространственно-хронологическая динамика этнонима *булгар* и некоторые проблемы этнической истории булгар // Взаимодействие урал-алтайских языков: язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 128–157.

⁷ *Frank A.J.* Islamic regional identity in imperial Russia: A Tatar and Bashkir historiography in 18th and 19th centuries. Ph. D. Bloomington (Ind.), 1994. P. 2–5, 43–48, 213–216.

⁸ *Амирхан Х.* Таварих-е Булгарийа. Казан, 1883. (На арабской графике); *Әмирхан Х.* Таварихы Болгария (Болгар тарихы). Казан, 2001; *Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 232 с.

⁹ *Frank A.J.* The Development of Regional Islamic Identity in Imperial Russia: Two Commentaries on the «Tavarix-i Bulgaria» of Hisamaddin al-Muslimi // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin, 1966. P. 113–127; Его же. Islamic Historiography and «Bulgar» Identity, among the Tatars and Bashkirs of Russia // Social, Economic and Political Studies in the Middle East and Asia. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998. P. 9–11; *Франк А.Дж.* Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань: РИУ, 2008.

¹⁰ *Ахунов А.* «Таварих-е Булгарийа» Хусаина Амирханова – важный источник по истории татар Поволжья // Түркология. Түркистан, 2011. № 3. С. 96–101.

¹¹ Сагидуллин М. К истории вайсовского движения. Казань, 1930; Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. М., 1988. № ½ (4/5). С. 137–159; Кемпер М., Усманова Д. Вайсовское движение в зеркале собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2001. № 3–4; Валиев Р.К. Өзелгән дога [Прерванная молитва] // Мирас, 2002. № 8, 9, 11, 12; 2003. № 1.

¹² Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 78.

¹³ Габәши Х.-Г. Төрк ыруглары. Казан, 1887; Аның ук. Мөхтасар тарих кауме төрк. Казан, 1899; Аның ук. Мөфассал тарих кауме төрк. Казан, 1909 (Все на арабской графике); Габәши Х.-Г. Всеобщая история тюркских народов. Казань: Фэн, 2009. 248 с.

¹⁴ Әхмәрәв Г. Тарихи-документаль жьентык. Казан: Хәтер, 2000; Г. Әхмәрәвнәң басылып чыккан хезмәтләре һәм мәкаләләренәң библиографиясы анда ук. 371–376 б.

¹⁵ Фәхретдин Р. Фәнни-биографик жьентык. Казан: Рухият, 1999. 224 б.; Фәхретдинов Р. Болгар в Казан төрекләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 287 б.

¹⁶ Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М.: Наука, 2001. С. 146; *Его же*. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 75.

¹⁷ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 28; *Его же*. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954. 64 с.

¹⁸ Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш. Когда и как болгары приняли ислам? // Древние народы и города Поволжья. Пенза, 1995. С. 120–132; *Их же*. Ислам и язычество в Волжской Булгарии домонгольского времени // Ислам в Поволжье: история и проблемы изучения: материалы научной конференции 1989 г., посвященной 1100-летию (по хиджре) официального принятия ислама Волжской Булгарией. Казань, 2000. С. 54–68.

¹⁹ Измайлов И.Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность: очерки. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 31.

²⁰ Мухаметшин Р.М. Ислам в Среднем Поволжье: распространение и функционирование как государственной религии // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам. Казань: КГУ, 2006. С. 147.

²¹ Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. С. 151.

²² Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья: XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Ижевск, 2004. С. 36.

²³ Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдиков А.Г. К вопросу о мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. № 4. 2010. С. 19–26.

²⁴ Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 208 с.

²⁵ Хузин Ф.Ш. Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань, 2006. С. 35.

²⁶ Scherner B. Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Versuch einer chronologie ihrer Lautveränderungen. Wiesbaden: Frank Steiner Verlag GmbH, 1977. XXX + 231 S.

²⁷ Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. Казань, 1921. Т. 2. С. 93–128.

²⁸ Мухаметшин Р.М. Ислам в Среднем Поволжье: распространение и функционирование как государственной религии // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам. Казань: КГУ, 2006. С. 148.

²⁹ Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. С. 18.

³⁰ Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М.: Наука, 1978. С. 89; Егоров Н.И. Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII–XIV веках // Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984. С. 90–102.

³¹ Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 177.

³² Шамилоглу Ю. Болгар теле кая киткэн? // Идел. Казан, 1994. № 1. 46–48 б.; Шамиль Ю. Конец языка волжских болгар // Идель. Казань, 1994. № 9–10. С. 50–51; *Его же*. Мы не татары! ... С. 366; См. также: Schamiloglu U. We are not Tatars! The Invention of a Bulgar Identity // Neptörténet-Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szeged, 2001. P. 137–153; *Его же*. The end of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift für professor András Róna-Tas. Szeged, 1991. P. 157–163.

³³ Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография ... С. 76–77.

³⁴ Там же. С. 77.

³⁵ Там же. С. 70.

³⁶ Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы ... С. 136.

³⁷ Там же.

- ³⁸ *Frank A.J.* Islamic regional identity in imperial Russia... P. 43–48, 213–216.
- ³⁹ *Frank A.J.* Указ. соч. С. 2–5, 43–48, 213–216.
- ⁴⁰ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы ... С. 146.
- ⁴¹ Там же. С. 146–147.
- ⁴² Там же. С. 147.
- ⁴³ *Шамилоглу Ю.* Мы не татары! ... С. 362.
- ⁴⁴ *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник. М.: Academia, 2000. С. 288–295.
- ⁴⁵ *Халиков А.Х.* Кто мы – болгары, татары? Казань: Казань, 1992. С. 23.
- ⁴⁶ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы ... С. 105.
- ⁴⁷ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. М.: Наука, 2001. С. 106–108.
- ⁴⁸ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 105.
- ⁴⁹ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы ... С. 106–108.
- ⁵⁰ Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 44, 48; Полное собрание русских летописей. (Далее: ПСРЛ). Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки рус. к-ры, 2000. С. 3, 12.
- ⁵¹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 106.
- ⁵² Казанская история. С. 44; ПСРЛ. Т. 19. С. 12.
- ⁵³ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар. С. 106.
- ⁵⁴ *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. АН, 1895. Т. 2. С. 1011–1012.
- ⁵⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 542.
- ⁵⁶ *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря ... М., 1893. Т. 1. С. 71, 79.
- ⁵⁷ Казанская история. С. 44; ПСРЛ. Т. 19. С. 12.
- ⁵⁸ *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря ... М., 1903. Т. 3. С. 1417–1419.
- ⁵⁹ Казанская история. С. 48; ПСРЛ. Т. 19. С. 12.
- ⁶⁰ *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря ... Т. 3. С. 1564.
- ⁶¹ Казанская история. С. 44, 48; ПСРЛ. Т. 19. С. 3, 12.
- ⁶² *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 61–80.
- ⁶³ Там же. С. 105.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Казанская история. С. 44; ПСРЛ. Т. 19. С. 3.

⁶⁷ Казанская история. С. 47; ПСРЛ. Т. 19. С. 9.

⁶⁸ Казанская история. С. 48; ПСРЛ. Т. 19. С. 12.

⁶⁹ Казанская история. С. 48–49; ПСРЛ. Т. 19. С. 13–14.

⁷⁰ Казанская история. С. 49; ПСРЛ. Т. 19. С. 14.

⁷¹ Казанская история. С. 52–53; ПСРЛ. Т. 19. С. 19–20.

⁷² *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 80–102; *Капеллер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // *Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.)*. Н. Новгород, 2012. С. 13–39.

⁷³ *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. С. 248; *Әхмәтҗәнов Р.Г.* Татар һәм башкор телләренен чагыштырма-тарихи фонетикасы. Бирск: БДПИ, 2003. 112 б.; *Хаттори С.* О формировании татарского и чувашского языков // *Вопросы языкознания*. 1980. № 3. С. 86–94.

⁷⁴ *Хаттори С.* О формировании татарского и чувашского языков // *Вопросы языкознания*. 1980. № 3.

⁷⁵ *Егоров Н.И.* К этимологии этнонима «чуваш» // *Актуальные вопросы чувашского языкознания: тезисы докладов и сообщений на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения В.Г. Егорова (12–13 февраля 1980 г.)*. Чебоксары, 1980. С. 34–36; *Егоров Н.И., Егоров Э.Н. Бесермяне и чувашии – этнонимы этноконфессионального происхождения* // *Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей*. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 146–158; *То же* // *Егоров Н.И. Избранные труды: Этимология. Этноглотогенез. Этнолингвокультурология*. Астана; Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 763–786; *Родионов В.Г.* О системах эндо- и экзоэтнонимов народов Урало-Поволжья // *Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья»*, Казань, 2–5 июля 2008 г. Казань: КГУ, 2009. С. 174–178; *Его же*. К истории возникновения и утверждения этнонимов *бигер, бесермян и чуваш* // *Ашмаринские чтения – VI: материалы Всероссийской конференции, проходившей 17–18 октября 2008 г.* Чебоксары: ЧГУ, 2008. С. 169–179; *То же* // *Пермистика – XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2008. С. 293–301.

⁷⁶ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 105.

⁷⁷ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы ... С. 103.

⁷⁸ Там же. С. 105.

⁷⁹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 106; *Его же*. Этнополитические и демографические процессы ... С. 104.

- ⁸⁰ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы ... С. 105.
- ⁸¹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 83.
- ⁸² Там же. С. 84.
- ⁸³ Там же. С. 89.
- ⁸⁴ Там же. С. 14, 89, 90.
- ⁸⁵ Там же. С. 100.
- ⁸⁶ *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Казань, 1903. С. 131; *Его же.* От средневековых татар ... С. 89.
- ⁸⁷ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 91.
- ⁸⁸ Там же. С. 89.
- ⁸⁹ Там же. С. 83.
- ⁹⁰ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы ... С. 105.
- ⁹¹ *Исхаков Д.М.* Татары: краткая этническая история. Казань: Магариф, 2002. С. 10.
- ⁹² *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 74.
- ⁹³ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 102–104.
- ⁹⁴ *Халиков А.Х.* Кто мы – болгары, татары? Казань: Казань, 1992. С. 25.
- ⁹⁵ Там же. С. 56.
- ⁹⁶ Там же. С. 57.
- ⁹⁷ *Shamiloglu U.* The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Şihabâdain Mârcani and the Image of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. 1990. Vol. 9. Fasc. 2. P. 42.
- ⁹⁸ *Мәрҗәни Ш.* Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланган хәбәрләр). Казан: Татар кит. нәшр., 1989. 43 б.
- ⁹⁹ Там же. С. 43.
- ¹⁰⁰ *Хаким Р.* Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань: Идел-Пресс, 2005. С. 58.
- ¹⁰¹ *Shamiloglu U.* The Formation of a Tatar Historical Consciousness ... P. 42.
- ¹⁰² Там же. P. 45.
- ¹⁰³ *Исхаков Д.М.* Татары: краткая этническая история. С. 57.
- ¹⁰⁴ *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. школа, 1962. С. 360–361; *Халиков А.Х.* Кем без – болгарлармы, татарлармы? Казан, 1992. 57–58 б.
- ¹⁰⁵ *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 74.
- ¹⁰⁶ *Халиков А.Х.* Кто мы – болгары или татары?.. С. 59–60; *Исхаков Д.М.* Татары: краткая этническая история... С. 59.

¹⁰⁷ Цит. по: *Исхаков Д.М.* Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // *Современные национальные процессы в Республике Татарстан.* Казань, 1994. Вып. 2. С. 10–11.

¹⁰⁸ *Исхаков Д.М.* Татары: краткая этническая история. С. 62.

¹⁰⁹ *Закиев М.З.* Татары: проблемы истории и языка: (Сборник статей по проблемам лингвоэтноистории, возрождения и развития татарской нации). Казань: АН РТ, 1995. С. 253.

¹¹⁰ *Габашин Х.-Г.М.* Всеобщая история тюркских народов. Казань: Фэн, 2009. С. 67. Прим. 78.

¹¹¹ *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша. Казань, 1902. 132 с.

¹¹² Там же. С. 38.

¹¹³ *Петров М.П.* О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925. С. 62.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. С. 111; Юхма М. Чуваша – потомки волжских болгар // *КИЛ*, 2012. № 2 (12). С. 125–126.

¹¹⁶ Цит. по: *Романова Ф.А.* Театр, любимый народом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. С. 59–60.

¹¹⁷ См., например: *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чуваша. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 7–15, 35–40, 309–336.

¹¹⁸ *Романова Ф.А.* Театр, любимый народом. С. 60.

¹¹⁹ *Хузангай А.П.* Языковое и культурное измерения в концепции государственной программы «Возрождение и развитие чувашского народа» // *Вестник Чувашской национальной академии*, Чебоксары, 1994. № 2. С. 46.

¹²⁰ *Егоров Э.Н.* Пространственно-хронологическая динамика этнонима *булгар* С. 128–157.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. К проблеме типологии идентичностей: от родоплеменной идентичности к конфессиональной и от конфессиональной к этнонациональной	4
2. Динамика идентичностей у казанских татар	7
2.1. Pro и contra болгарской идентичности казанских татар	8
2.2. Динамика мусульманской идентичности казанских татар	13
2.3. Динамика содержания этнонима «татары» и проблема этноязыковой самоидентификации казанских татар	19
2.3.1. Проблема этнической идентификации заказанских «чювашей»: сословие или этнос?	26
2.3.2. Проблема этнической идентификации «казанцев»: татары или ногаи?	31
2.3.3. Блуждание между тюрками и татарами	35
2.3.4. «Казанские мусульмане» становятся татарами	36
3. «Чуваши» – аллоэтноним отконфессионального происхождения	38
Литература и источники	44

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 10

ЕГОРОВ Николай Иванович

**ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ТАТАР И ЧУВАШЕЙ**

От конфессионального к этнонациональному

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2012 год

Литературный редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Л.Н. Сапоговой*

Подписано к печати 4.01.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Физ. печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 2,4. Заказ № 5. Тираж 120 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29. корп. 1